

ДЖАННИ КЛЕМЕНТИ

[48]

ИЛ 12/2018

Еврей

Пьеса

Перевод Татьяны Клебановой

Действующие лица:

МАРЧЕЛЛО КОНСАЛЬВИ, бывший продавец, владелец квартир и магазинов, 55 лет

ИММАКОЛАТА КОНСАЛЬВИ, в девичестве Маркетти, жена Консальви, 45 лет

ТИТО, слесарь-водопроводчик, друг Марчелло

Акт первый

Сцена первая

Рим, 1956 год. Богатый интерьер квартиры в районе гетто. Большие коробки на полу. Квартира пуста. Звонит телефон.

ИММАКОЛАТА (*голос за сценой*). И это называется прислуга!

Прислуга в моем доме! (*Выходит на сцену, в халате и с телефонной трубкой в руке.*) Да, квартира Консальви. Сколь-

© GIANNI CLEMENTI, 2007

© ТАТЬЯНА КЛЕБАНОВА. Перевод, 2018

Пьеса публикуется с любезного разрешения автора.

ко можно объяснять? Я вам уже говорила... меня это не волнует! Это не мои проблемы... за квартиру вы должны платить, моя дорогая. Я понимаю... прекратите ныть... сколько раз вы мне это уже говорили? Именно потому, что у вас дети, вы должны были позаботиться об этом раньше. Плата не меняется... ну что вам сказать? Постарайтесь их раздобыть... до свиданья. (*Кладет трубку.*) Ну конечно, теперь я виновата! Подумать только...

Уходит. Через несколько секунд раздается звонок в дверь. Еще через несколько секунд звонок повторяется.

ИММАКОЛАТА (*голос за сценой*). В туалет не дадут спокойно сходить!

Слышен шум сливаемой воды.

Я эту наглуую паразитку выгоню вон! (*Возвращается, взбешенная, на сцену, идет к двери и смотрит в глазок. Открывает.*) Что у тебя за праздник?

Открывается входная дверь, и на сцене появляется МАРЧЕЛЛО с розой в руке.

А ключи тебе на что?

МАРЧЕЛЛО. Я их забыл.

ИММАКОЛАТА. Рехнуться можно! Целый день туда-сюда! От телефона к дверям...

МАРЧЕЛЛО (*протягивая ей розу*). Она вот-вот распустится.

ИММАКОЛАТА (*не обращая внимания на розу*). У тебя одна чушь на уме!

МАРЧЕЛЛО. Раньше тебе нравилось, когда я тебе дарил розы.

ИММАКОЛАТА. Мне как раз сейчас больше думать не о чем!

Консальви, ты выбрал момент как нельзя лучше!

МАРЧЕЛЛО. Ну, извини, а Лизетта?

ИММАКОЛАТА. Об этой даже не заикайся! Отъехала к себе домой. Так просто, от нечего делать...

МАРЧЕЛЛО. Да ладно тебе, она ездит туда, как говорится, не чаще, чем умирает Папа Римский... и потом у нее мать... (*Кладет сумку на стол и выходит через другую дверь.*)

ИММАКОЛАТА (*открывает сумку и вытаскивает из нее пачку денег и мешочек с монетами; начинает считать деньги*). Вот именно — Папа Римский! В таком случае ее можно считать серийным убийцей римских пап... Ее никогда нет! Хорошую ты выбрал прислугу, ничего не скажешь! Лучше некуда! Она не прислуга, она тут хозяйка, вот она кто!

МАРЧЕЛЛО (*голос за сценой*). И с чего ты так взъелась на эту девочку? Что она тебе сделала? По-моему, она такая стара-

тельная, вежливая. Разве она не говорит все время “будьте добры”? Всегда говорит...

ИММАКОЛАТА. Да ты совсем уже... Тебе только глазки сострой...

МАРЧЕЛЛО (*голос за сценой*). Ну какие глазки, Иммакола? На тебя не угодишь! Сколько мы их уже поменяли, а? Одна слишком много ела, у другой — деревенский выговор, у третьей — запах изо рта... Сколько мы их уже поменяли, Иммакола? Имеет же эта девочка право беспокоиться о своей матери? Перелом шейки бедра — не шутка. Это нормально, что она хочет поехать посмотреть, как чувствует себя ее мать.

ИММАКОЛАТА. Ая? Я как себя должна чувствовать, а? Вот, полюбуйся! Коробки по всему дому...

МАРЧЕЛЛО (*высовывается на секунду и сразу исчезает*). А кто захотел устроить выставку подарков в нашей гостиной, Иммакола? Они что, не могли сделать ее у себя дома?

ИММАКОЛАТА. В доме переворот — она берет и уезжает. И он говорит — “молодчина”!

МАРЧЕЛЛО (*голос за сценой*). Тебе всегда мало! Ты хочешь и то и другое, а потом жалуешься! Имей в виду: если бы она не была “молодчина”, дон Джино не рекомендовал бы ее.

ИММАКОЛАТА. “Молодчина” — это точно! Обдελывать свои грязные делишки она молодчина! Тут уж ей сам черт не брат!

МАРЧЕЛЛО (*появляется в дверях в халате и тапочках*). Что ты хочешь этим сказать? У нее такое личико... прямо как у монашки.

ИММАКОЛАТА. Ну что с тебя взять? То-то и оно, что только личико. А сама и Богу молится, и с чертями водится.

Пауза. Марчелло передвигает диван ближе к авансцене.

Как только видит, что работы невпроворот, — тютю! Папу Римского хоронить... (*Берет мешочек с монетами.*)

Опять одна мелочь! (*Открывает мешочек.*)

МАРЧЕЛЛО. Мелочь в магазине всегда нужна.

ИММАКОЛАТА. Я тебе говорила гнать его в шею! Он распугивает клиентов. Воняет на всю округу!

МАРЧЕЛЛО. Ну как я могу прогнать синьора Альфредо? Он уже прирос к тротуару. Да и тротуар ведь — не моя ответственность. Не понимаю, чем он тебе...

ИММАКОЛАТА (*пересчитывая монеты*). Завидный доходец!

МАРЧЕЛЛО. Что тебе не нравится?

ИММАКОЛАТА. А?

МАРЧЕЛЛО. Считаю! Считаю денежки, Иммаколата... ты ведь это дело любишь!.. *(Звонит телефон. Марчелло берет трубку. Почти кричит.)* Алло! Кто это? Что?! Елена!

ИММАКОЛАТА. Зачем так орать?

МАРЧЕЛЛО *(кричит изо всех сил)*. Елена! Это ты?! Как ты там, моя крошка?!

ИММАКОЛАТА *(встает и подходит к телефону)*. Дай мне ее.

МАРЧЕЛЛО *(не обращая внимания)*. Как? Ты где? С Марко? С каким таким Марко? Откуда он взялся?.. А-а-а-ха-ха! На пьядца Сан-Марко!

ИММАКОЛАТА *(закатывая глаза)*. Ты мне ее дашь или нет?

МАРЧЕЛЛО *(жестом просит подождать)*. Что случилось? Высокая вода? Насколько высокая? Сколько сантиметров? И докуда она тебе доходит? Извини, вы что, не можете взять гондолу? Возьмите гондолу! *(Жене.)* Говорит, что нельзя... *(В телефон.)* А почему нельзя? Я понял, что высокая... Так я поэтому и говорю! Что же им еще там делать, гондолам этим? Ну тогда... тогда пусть муж возьмет тебя на руки! А что ему еще там делать, мужу? Смотри, не подхвати воспаление легких! Хорошенький медовый месяц! Алло! Алло! Елена! *(Смотрит на телефонную трубку.)*

ИММАКОЛАТА. Ну вот. Пожалуйста.

МАРЧЕЛЛО *(кладет трубку)*. Ничего не слышно.

ИММАКОЛАТА *(раздраженно)*. Я же тебя просила мне ее дать!

МАРЧЕЛЛО. Говорит, что вода почти до колен. Медовый месяц с мокрой задницей... Чем ей дома-то было плохо?.. *(Выходит на авансцену и включает воображаемый телевизор. Потом садится на диван.)*

ИММАКОЛАТА. Тебе бы только вытянуть ноги перед ящиком!

МАРЧЕЛЛО. Я ведь целый день на этих вот ногах, Иммакола!

ИММАКОЛАТА. Помолчи, Консальви. Уж лучше ты помолчи... Можно подумать, ты продавец. Я не могу тебя видеть в этом фартуке!

МАРЧЕЛЛО. Ну, конечно, как будто ты меня раньше в нем не видела... ты со мной и познакомилась, когда я был в фартуке.

ИММАКОЛАТА. Вот поэтому-то я и не могу тебя в нем больше видеть.

Слышны голоса телевизионной передачи. Майк Бонджорно ведет передачу "Остановись или удвой".

МАРЧЕЛЛО. Не заводись опять, Иммакола, прошу тебя...

ИММАКОЛАТА. Где это видано, чтобы хозяин ходил в фартуке?! Пару дней назад я вошла в магазин, а там синьора, которая тебе говорит: "Извини, мужик!".

МАРЧЕЛЛО. Что ты такое несешь?

ИММАКОЛАТА. Вот прямо так и сказала: мужик! А ты ей чуть не задницу вылизываешь!

МАРЧЕЛЛО. Ну а хотя бы и так? Тебе-то что? Важен ведь результат, правда? Она купила четыре метра шифона... заплатила. И мне плевать, что она называет меня мужик. Я к этому за много лет привык, мне это не мешает.

ИММАКОЛАТА. Послушай, Консальви. Вчера я была у парикмахерши. Она мне мыла голову в тазу. Я сидела с намыленной башкой. Узнать меня в таком виде нельзя было. Входят две эти гримзы: Спиццикино и Ди Сальво... "Видела ты в баре Марчелло в фартуке?" Это Ди Сальво говорит...

МАРЧЕЛЛО. Да мы с Марией знаем друг друга с пеленок! Для тебя это новость, что ли?

ИММАКОЛАТА. Так ты и на улицу в фартуке выходишь? Прямо так и ходишь по городу в фартуке?

МАРЧЕЛЛО. Ну да, не буду же я смотреть, есть на мне фартук или нет, чтобы пойти выпить чашечку кофе? Иммакола...

ИММАКОЛАТА. "Бедный Марчелло, во что он превратился!" Это Спиццикино говорит... "Смотри, до чего она его довела!" И только когда я голову из таза подняла, они замолчали. Увидели меня и заткнулись. Но виновата всегда я! Я — плохая!

МАРЧЕЛЛО. При чем здесь ты?

ИММАКОЛАТА. А кто же, по-твоему, эта ОНА? Они думают, что это я тебя посылаю гулять по городу в фартуке.

МАРЧЕЛЛО. Да плевать тебе на то, что они думают! Ну как тебе объяснить...

ИММАКОЛАТА. Ты туда даже носа не должен совать, не то что в фартуке являться! А если уж идешь, то во фраке и никак иначе! Если бы ты меня слушал, мы бы сейчас уже имели в два раза больше, чем у нас есть!

МАРЧЕЛЛО. А зачем, Иммакола? У нас и так слишком...

ИММАКОЛАТА. Ну как же, слишком много!

МАРЧЕЛЛО. Да, слишком много, Иммакола, слишком. Это как с перьями на твоей шляпе... Я тебе прямо должен сказать. У меня эта свадьба вот где сидит! (*Показывает на горло.*) Ты что, не видела наших двух бедолаг? Они готовы были сквозь землю провалиться!

ИММАКОЛАТА. Ты про кого?

МАРЧЕЛЛО. Про Элену и Густаво. Они были красные как раки, когда садились в карету... карета белая, лошади белые, перья белые... такое даже английской королеве не пришло бы в голову...

ИММАКОЛАТА. А чем плохо? Там вся виа Аренула собралась! Когда бы они еще такую свадьбу увидели!

МАРЧЕЛЛО. Ну если ты так ставишь вопрос, то можешь быть уверена, что такую — точно никогда! А я еще как дурак тебя послушал и напялил...

ИММАКОЛАТА. А то ты плохо выглядел! Да где и когда эти оборванцы смогли бы увидеть смокинг! Ты их всех сразил наповал! Для дочери я ничего не жалею.

МАРЧЕЛЛО. Нет, когда слишком, то уж слишком. Они теперь весь год нас склонять будут! А ты все про фартук да про фартук! Знаешь, что теперь мне говорят, когда я прохожу мимо?.. Эй, Марче... пиццу “Наполи” на пятый стол... Вот тебе и “сразил”.

ИММАКОЛАТА. Они нам просто завидуют!

МАРЧЕЛЛО. Да какая там зависть! Не знаю даже, кто из нас двоих выглядел смешнее... Я был похож на официанта... а ты в этой своей шляпе была — ни дать ни взять — тент на пляже в Остии.

ИММАКОЛАТА. Они нам завидуют, говорю я тебе. Да что они понимают в элегантности? Деревня! Луиза Спаньоли!¹ Ты хоть понимаешь, что это значит? Этим завистливым курицам до Луизы Спаньоли, как до луны! Ты вообще имеешь представление, сколько мне стоила одна только эта шляпа?

МАРЧЕЛЛО. Сколько бы она ни стоила, тент он и есть тент, Иммаколата!

ИММАКОЛАТА. Консальви, ты такой же, как они! Ты остался таким же. И друзья твои такие же! Других-то завести не можешь!

МАРЧЕЛЛО. Ха, ха!

ИММАКОЛАТА. Ты — синьор, Консальви! Синьор! Можешь ты это понять или нет? А они кто, а? Они... лучше не будем! (*Пауза.*) Кстати, что это твой гениальный друг не приходит?

МАРЧЕЛЛО. Ты уж меня извини, но ты с ним обошлась хуже, чем с половой тряпкой...

ИММАКОЛАТА. А что я ему такого сказала?

МАРЧЕЛЛО. А ты не помнишь? Ты сказала, что у него заплатты на заднице, а теперь удивляешься, что он не приходит. Имей в виду, у Умберто нет ни гроша в кармане, но гордость у него есть.

ИММАКОЛАТА. И заплатты у него тоже есть! Разве неправда? Нет, скажи? Самые настоящие заплатты! Между ног. Мог

1. Луиза Спаньоли (1877–1935) — основательница фирмы по производству изделий из ангорской шерсти; с начала 50-х ее имя стало известным брендом в Италии благодаря широкой сети магазинов. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

бы хотя бы пришить их получше. Интересно, кто ему их туда прилепил! Желтыми нитками! Подумай сам: как можно к коричневому костюму пришить заплаты желтыми нитками! Похоже, их даже не пришили, а просто приметали! А ботинки-то! Ох уж эти ботинки! И не стыдно ему ходить по людям с такими дырами? Не подошвы, а куски дырчатого сыра! Голодранец и зануда!

МАРЧЕЛЛО. Последний раз Умберто даже печеньки рождественские тебе принес...

ИММАКОЛАТА. Надо же! Разорился! Как началась эта бадяга с “Остановись или удвой”, так он ни одной передачи не пропускает... приходит, опустошает мой холодильник... и усаживается с тобой продавливать диван! Печеньки! Я тебя умоляю!

МАРЧЕЛЛО. А что еще он мог тебе принести? Он еле-еле концы с концами сводит...

ИММАКОЛАТА. Две. Ровно две. Две печеньки. Жмот!

МАРЧЕЛЛО. Чтобы купить эти две печеньки, ему как минимум пять ножей нужно было заточить, и после этого он у тебя еще жмотом оказался! А ведь у точильщиков сейчас — не то что в прежние времена — с работой негусто, знаешь ли.

ИММАКОЛАТА. Кстати, Консальви! Скажи ему ты, а если он не послушает, то я ему уши-то в один прекрасный день прочищу! Ведь я ему, Умберто этому, уже сто раз говорила: когда он на улице работает, пусть не окликает меня по имени. Так нет же! “Привет, Иммаколата!” — “Синьора Консальви”, — говорю я ему! Ну никак ему не вдолбить! А лучше, знаешь что? Пусть вообще со мной не здоровается... да еще на этом велосипеде, на куске ржавого железа! “Точить ножи, ножницы! Точить ножи, ножницы! Добрый день, синьора Консальви!” Да пускай совсем уже отвяжется, вообще не здоровается и — конец! “Ножи, ножницы! Ножи, ножницы!” Зачем меня-то позорить?

МАРЧЕЛЛО. А ведь ты с ним спала когда-то...

ИММАКОЛАТА. Мне было шестнадцать лет. Шестнадцать! Подумаешь, спала! Мы были еще детьми.

МАРЧЕЛЛО. Хм, но после этого перейти на “вы”... извини, пожалуйста, но тут ты уже совсем перегнула палку...

ИММАКОЛАТА. А вот и нет, Консальви, а вот и нет. Тут все дело в воспитании. В дистанции. Твоим друзьям палец протяни, они тебе не то что всю руку, обе руки отхватят.

МАРЧЕЛЛО. Ты мне можешь объяснить, как ты разглядела эти заплатки у него между ног?

ИММАКОЛАТА. У него карамелька упала, он решил ее поднять и встал на четвереньки. Вот так и разглядела. И потом, ты меня прости, но в баре такой прекрасный телевизор... а вам так нравится прохлаждаться в баре... вот и отправляйтесь мусорить туда, вместо того чтобы делать это на моем диване!

МАРЧЕЛЛО. Еще чего! Там такой гвалт стоит! А если не услышишь вопрос, пиши пропало!

ИММАКОЛАТА. Ты хоть раз угадал ответ-то?

МАРЧЕЛЛО. Ну при чем здесь это? Человек учится... Ты уже ела?

ИММАКОЛАТА. Да какое там! Я же тебе сказала: не присела ни на минуту.

МАРЧЕЛЛО. Понятно... значит, сегодня...

ИММАКОЛАТА. Осталась одна тарелка вчерашних макарон с тунцом. Тебе подогреть?

МАРЧЕЛЛО. Нет. Не стоит, ты же знаешь, я макароны с тунцом с удовольствием ем холодными.

Иммаколата выходит из комнаты. Марчелло смотрит телевизор. Пытается ответить на некоторые вопросы, но постоянно ошибается. Безднажно машет рукой. Иммаколата возвращается с тарелкой макарон и вилкой. С пренебрежением протягивает их мужу. И снова выходит. Марчелло начинает есть, не отрываясь от телевизора. Ему удается угадать ответ на один из вопросов в тот момент, когда Иммаколата возвращается со стаканом вина, ставит вино на пол около дивана.

Ура! Я угадал.

Иммаколата смотрит на него, а потом возвращается к столу и начинает раскладывать монеты.

Ты есть будешь?

ИММАКОЛАТА. Не хочу.

МАРЧЕЛЛО. А этот Майк Бонджорно — он что, американец?

ИММАКОЛАТА. Да какое мне до него дело!

МАРЧЕЛЛО. Глаза у него, как у вареной рыбы. *(Продолжает есть, а потом выпивает стакан вина.)*

ИММАКОЛАТА. Кстати, поговори с адвокатом, надо выселять по суду этих Манчини.

МАРЧЕЛЛО. Ну что ты сходишь с ума с этими Манчини? Они хорошие люди, дай им еще немного времени...

ИММАКОЛАТА. Какого еще времени?! Они уже два месяца не платят.

МАРЧЕЛЛО. И что теперь? Мы их выкинем на улицу? С двумя детьми... Подождем еще месяца два хотя бы...

ИММАКОЛАТА. Неделю. Я сказала неделю, значит, неделю. Стоит только одним уступить, как тут же пойдут слухи...

и кто тебе потом будет платить аренду? Ты о дочери подумал? Что ты скажешь Элене, когда мы превратимся в нищих?

МАРЧЕЛЛО. Ну как мы можем превратиться в нищих, Иммакола? Четыре квартиры, пять магазинов... Как мы можем стать нищими? Если бы они вообще не платили! А тут первый раз...

ИММАКОЛАТА. Вот именно, первый раз. Именно потому, что это первый раз, надо сразу принимать меры. А тебе бы все поперек да поперек! Если бы не я, знаешь, где бы ты сейчас был, а, Консальви?

МАРЧЕЛЛО (*выходя из комнаты, вполголоса*). Сдается мне, это было бы лучше...

ИММАКОЛАТА. Что ты сказал? (*Идет за ним.*)

МАРЧЕЛЛО (*голос за сценой*). Ничего, Иммакола, ничего...

ИММАКОЛАТА (*голос за сценой*). Я все слышала, не думай!

МАРЧЕЛЛО (*возвращается с пакетиком тыквенных семечек, жена идет за ним*). Единственное, чего я хочу — это жить спокойно, Иммакола. Спокойно. Ты понимаешь, что значит “спокойно”?

ИММАКОЛАТА. У тебя никогда не было честолюбия, Консальви! Никогда! Ты родился голодранцем. И умрешь голодранцем.

МАРЧЕЛЛО (*снова усаживаясь на диван*). Иммакола, дай мне хотя бы посмотреть спокойно “Остановись или удвой”, ладно?

ИММАКОЛАТА. А зачем тебе смотреть? Когда и что ты удвоил в своей жизни, Консальви?

Уходит. Марчелло начинает грызть тыквенные семечки. Иммаколата вновь появляется на секунду.

И не кидай шелуху на пол!

Исчезает. Голос Майка Бонджорно заполняет сцену. Свет гаснет.

Сцена вторая

Свет снова загорается. МАРЧЕЛЛО сидит на диване. Все в том же халате. Безуспешно пытается отвечать на вопросы. Сокрушается по поводу своих ошибок. Звонит телефон. Марчелло встает и идет отвечать на звонок.

МАРЧЕЛЛО. Алло! Элена? Как ты там, моя детка? Где? Как “что такое”? Я спрашиваю, где вы сейчас? Что за Кале?

Где он находится этот Кале? А, Калаис! Ах, вот оно что... А я всегда читал, как написано... и когда вы сядете на корабль? А... я понял. Обалдеть, какая у вас поездка получается! Хорошо вам! Развлекайтесь дальше! Как ты сказала? Нет, мамы нет. Она поехала в больницу навес- тить тетю Антоньетту... ну да, ее положили в больницу. У нее был какой-то там приступ... (*Смотрит на телефон- ную трубку, потом кладет ее на место. Смотрит на часы и снова усаживается на диван смотреть передачу. Через несколь- ко секунд слышится звук открывающейся двери.*) Это ты, Иммакола?

ИММАКОЛАТА. А кто же еще?

МАРЧЕЛЛО. Как там тетя?

ИММАКОЛАТА. Хорошего мало. А ты как всегда перед ящи- ком!

МАРЧЕЛЛО. Ты знаешь, кто умер, Иммакола?

ИММАКОЛАТА. Кто?

МАРЧЕЛЛО. Синьор Альфредо.

ИММАКОЛАТА. Что поделаешь...

МАРЧЕЛЛО. Когда я пошел открывать магазин, он был еще там. Сидел. Его накрыли белой простыней. Народу — уйма. Все смотрят, задают вопросы...

ИММАКОЛАТА. Могу себе представить. Ты даже кассу, навер- ное, не открыл...

МАРЧЕЛЛО. Да ничего подобного! Все как всегда... Обычный день. Теперь даже смерть никого не впечатляет. Любо- пытство — и больше ничего.

ИММАКОЛАТА (*снимая пальто*). Ты не представляешь, как ха- мят эти медсестры. А еще монахини! Вреднющие... Как только время подходит к концу, они тебя гонят чуть не пинками! “Выходим, синьора, выходим!” Да еще с таки- ми физиономиями! Как будто я им чем-то насолила! Мамма миа! (*Исчезает в другой комнате. Голос за сценой.*) Элена случайно не звонила?

МАРЧЕЛЛО. Совсем забыл! Минут пять как звонила, не боль- ше.

ИММАКОЛАТА (*появляясь в дверях*). И ты мне ничего не гово- ришь! Где они сейчас?

МАРЧЕЛЛО. В Калаисе.

ИММАКОЛАТА. Ну ты подумай! Уже в Калаисе? (*Снова исчеза- ет в другой комнате.*)

МАРЧЕЛЛО. Вот видишь, и ты туда же! А знаешь, как надо го- ворить, Иммакола?

ИММАКОЛАТА (*голос за сценой*). Как?

МАРЧЕЛЛО. Нужно говорить — Кале.

ИММАКОЛАТА (*голос за сценой*). А что это такое?

МАРЧЕЛЛО. Да уж, с иностранными языками у нас с тобой, прямо скажем... Кале, Иммаколата! Калаис нужно называть Кале!

Звонят в дверь. Марчелло пытается ответить на очередной вопрос Майка Бонджорно. Второй звонок.

ИММАКОЛАТА (*голос за сценой*). Ты идешь открывать или нет?

МАРЧЕЛЛО (*встает*). Иду... (*Пересекает сцену, подходит к входной двери. Смотрит в глазок. Потом открывает.*) А... Ты, как жизнь?

ТИТО (*голос за сценой*). Умберто у вас?

МАРЧЕЛЛО. Нет, еще не приходил. Ну заходи, что стоишь на пороге...

ТИТО (*голос за сценой*). Да нет, ты же видишь, на кого я похож...

МАРЧЕЛЛО. Брось, пожалуйста, давай заходи.

Входит Тито. Снимает шляпу. На нем рабочий комбинезон, через плечо — сумка с инструментами. Пожимает руку Марчелло. Оглядывается.

Садись, Ти. Умберто скоро придет.

Появляется Иммаколата.

ИММАКОЛАТА. Ну, вот и маркиз пожаловал!

ТИТО. Добрый вечер, Иммаколата.

ИММАКОЛАТА. Добрый, добрый. (*Обращаясь к Марчелло.*) А что, слесарь тоже пришел угадывать ответы?

ТИТО. Не-е... Я пришел посмотреть, нет ли у вас Умберто. Я должен ему сказать одну вещь.

ИММАКОЛАТА. Нет, граф еще не соизволили пожаловать. Видать, им слишком много ножей принесли точить! (*Уходит со сцены с чопорным видом.*)

МАРЧЕЛЛО. Не обращай внимания, Ти, ты же ее знаешь...

ТИТО. Смотри-ка, она меня просто не выносит. Что я ей сделал?

МАРЧЕЛЛО. Да это она так... Ты ей даже симпатичен.

ТИТО. Могу себе представить, что бы она вытворяла, если бы я был ей противен. А, Марчелло?

МАРЧЕЛЛО. Да ладно тебе... расскажи лучше, где ты сейчас работаешь, что-то тебя совсем не видно...

ТИТО. Строим домик в Боччеа.

МАРЧЕЛЛО. Да ты что?! Как это тебя угораздило? На краю света...

ТИТО. Вот и я говорю шефу: кто туда жить-то пойдет? Правду сказать, за землю он заплатил гроши...

МАРЧЕЛЛО. Ну, не знаю... чтобы поехать в Боччеа, загранпаспорт нужно заказывать!

ТИТО. Он так уверен... Говорит, что эта зона будет развиваться. Пускай, деньги-то его.

МАРЧЕЛЛО. Сколько квартир?

ТИТО. Небольшая виллочка. Четыре квартиры

МАРЧЕЛЛО. Ну, не слабо. Четыре ванные.

ТИТО. Восемь.

МАРЧЕЛЛО. Ничего себе! Две ванные на квартиру!

ТИТО. Нет, одна ванная и один сортирчик: только унитаз и раковина.

МАРЧЕЛЛО. Ну это все равно как бы две. Загребаете неплохо, значит?

ТИТО. Да какое там! Он мне платит поденно. Слава Богу, что есть еще кое-какая халтурка, а то как бы я фургон-то выплачивал?

МАРЧЕЛЛО. Надо же, ты купил себе фургон?

ТИТО. Так это я сдуру, по недомыслию! По уши в долгах теперь с этим сраным фургоном! Сам не знаю, когда я из них выпутаюсь. Вот сейчас, например, иду от синьоры Пеппины, у нее нужник засорился...

Марчелло инстинктивно вытирает руку о пиджак.

А когда Умберто придет?

МАРЧЕЛЛО. Когда начнется "Остановись или удвой". Ты что, не смотришь?

ТИТО. Откуда у меня время, Марче? Вечером прихожу уставший как собака. Куда мне еще в бар тащиться? У меня сил нет...

МАРЧЕЛЛО. А как же сегодня...

ТИТО. Так футбол же. Я хотел его спросить, пойдет он в воскресенье или нет... А в четверг, я знаю, он всегда здесь, у тебя...

МАРЧЕЛЛО. Точно! "Рома" — "Лацио".

ТИТО. Вот-вот! Нужны же билеты... А их теперь только чудом достанешь. В воскресенье всегда полно народу...

МАРЧЕЛЛО. Я бы тоже...

ТИТО. Ну и пошли, в чем дело?

МАРЧЕЛЛО (*кивая в сторону двери, за которой скрылась Иммаколата*). Ты сам ей скажешь?

ТИТО. Разбежался! Тут-то она меня и пошлет сам знаешь куда...

Входит Иммаколата.

ИММАКОЛАТА. Раз уж ты здесь... в кухне из крана капает.

Пойди посмотри, может, починишь раз и навсегда! Слесарь! (*Выходит.*)

ТИТО. Конечно, она кого хочешь выведет...

МАРЧЕЛЛО. Всё так... но в глубине души...

ТИТО. Ну, уж очень в глубине! В такой глубине... Послушай, Марче, скажи спасибо, что она твоя жена... Не будь она твоей женой, я бы ее так припечатал, что слышно было бы в Ватикане... Не знаю, как ты терпишь...

МАРЧЕЛЛО. Я же тебе говорю: она так разговаривает, потому что...

ТИТО. Уж как разговаривает, так и разговаривает. Хуже некуда. И какого лешего, спрашивается? Что она себе позволяет?! Она что, не помнит, как...

МАРЧЕЛЛО. Ти, давай не будем об этом. Ты не представляешь, сколько нервов мне все это стоит!

ТИТО. Ведьма. Чисто ведьма!

МАРЧЕЛЛО. Знаешь, что я тебе скажу? Покупай мне билет, Ти. В воскресенье пойду с вами.

ТИТО. Но мы, Марче, мы ведь пойдем на вираж¹!

МАРЧЕЛЛО. За кого ты меня принимаешь? Конечно, пойдем на вираж. Ты когда-нибудь видел меня на трибуне? Слава Богу, что в этом году играет Да Коста, если б не он...

ТИТО. Да уж, а то этот полудохлый Нордаль... а северяне-то так тихо-тихо да и вставили нам перо... Выпотрошили его под чистую. А то приехал, понимаешь, на курорт! Посмотри на него, он уже и бегать-то не может. Пешком ходит. Ладно, пойдем взглянем на этот кран, а то она опять меня с дерьмом смешает!

Выходит в дверь, которая, по всей видимости, ведет на кухню. Марчелло идет за ним.

МАРЧЕЛЛО (*выходя*). Есть еще этот, молоденький... как его... Лози! Маленького росточка, но мне нравится...

ТИТО (*голос за сценой*). Лози? Лози — молоток! Все бы так зажигали...

Проходит несколько секунд. В гостиной пусто. В дверь звонят. Никто не идет открывать. Снова звонок в дверь.

ИММАКОЛАТА (*голос за сценой*). Ты откроешь? Это граф. Сначала маркиз, а теперь — граф.

1. Вираж — каскад секторов на северной трибуне за воротами, где собираются особо активные болельщики.

МАРЧЕЛЛО (*пересекая сцену*). Иду... (*Доходит до входной двери. Смотрит в глазок. Издает приглушенный крик.*) А-а-а-а!!! (*Он как будто увидел привидение. У него подкашиваются колени. Собравшись с духом, он еще раз смотрит в глазок.*) А-а-а-а!!!

Снова раздается звонок. Марчелло в ужасе. Как если бы он увидел призрака.

ИММАКОЛАТА (*голос за сценой*). Ты откроешь или нет?

Снова звонят в дверь. Она выходит на сцену.

В чем дело? Все я должна...

Видит Марчелло, почерневшего от ужаса.

Что с тобой?

Марчелло бормочет что-то нечленораздельное и показывает на дверь. Иммаколата подходит к двери и смотрит в глазок.

О Боже! Мамма миа!!! (*Закрывает себе рот рукой.*) О Боже! (*Еще раз смотрит в глазок.*) И как же теперь?

МАРЧЕЛЛО (*обреченно*). Я же тебе говорил... Я же говорил, что рано или поздно... Боже мой, Боже мой...

Снова звонят в дверь. Марчелло собирается с силами и направляется к дверям.

ИММАКОЛАТА (*останавливая его*). Стой! Не открывай. Тсс...

Знаками показывает ему, что он должен молчать. Подходит к глазку. Смотрит наружу. В этот момент в дверях появляется Тито.

ТИТО. У меня кончилась пакля. Пойду схожу за ней...

Иммаколата и Марчелло разом оборачиваются и смотрят на него.

Кто там? Что случилось?

ИММАКОЛАТА (*шепотом*). Тсс...

ТИТО. Что я такого сказал? Пакля... у меня пакля закончилась...

ИММАКОЛАТА. Тихо... Помолчи...

ТИТО. Ну, вы меня уже за...

Иммаколата бросается к Тито и закрывает ему рот рукой.

ИММАКОЛАТА. Молчи, молчи. (*Шепотом, обращаясь к Марчелло.*) Тсс... И убери звук в телевизоре.

Длинная пауза. Тито в замешательстве. Иммаколата подходит к глазку и смотрит на лестничную площадку. Потом бегом бежит к окнам, закрывает все ставни, гасит свет и смотрит вниз через щели в ставнях.

[62]

ИЛ 12/2018

ТИТО. Эй! Что у вас тут происходит?

ИММАКОЛАТА. Ничего. Ничего.

ТИТО. Марче, ты мне можешь сказать...

ИММАКОЛАТА. Ты должен идти за паклей? (*Провожает его до дверей*). Знаешь что? Неважно... Пускай капают.

ТИТО. Так я его уже снял...

ИММАКОЛАТА. Неважно, я же тебе сказала...

ТИТО. Марче, я перекрыл воду. Вы останетесь без воды...

МАРЧЕЛЛО. Неважно, неважно.

ТИТО. Можно узнать, в чем дело?..

Иммаколата выталкивает его за дверь.

Марче, ты что не видишь, что ли...

Марчелло молчит.

Вы что, сдурели? Больше меня не зовите! В следующий раз черта с два я к вам приду...

Иммаколата закрывает входную дверь. Потом проверяет, глядя в глазок. Марчелло стоит у окна. Смотрит вниз.

МАРЧЕЛЛО. Я тебе говорил, что он вернется.

ИММАКОЛАТА (*тоже смотрит в окно*). Смотрит сюда!

МАРЧЕЛЛО. Я же говорил тебе... А вот и Тито... Проходит совсем рядом с ним, он его узнает... они разговаривают...

ИММАКОЛАТА (*подбегает к окну, смотрит*). Он уходит. Уходит...

МАРЧЕЛЛО. Стыд какой! Он уже сказал ему, что мы дома... как пить дать...

Иммаколата пытается что-то придумать. Снова смотрит в щели.

Все кончено. Я тебе говорил...

ИММАКОЛАТА. Ты можешь помолчать?!

МАРЧЕЛЛО. Все кончено, Иммакола!

Резко садится на диван. Иммаколата ходит взад-вперед. Думает. Долгая пауза.

Я всегда знал, что он вернется!

ИММАКОЛАТА. Тут нужно...

МАРЧЕЛЛО. Выхода нет, Иммакола! Выхода нет. Хозяин вернулся. (*Длинная пауза.*) Но знаешь, Иммакола... мне стало легче. Я как будто проснулся после кошмарного сна.

ИММАКОЛАТА. Помолчи! Дай мне подумать... (*Продолжает ходить взад и вперед, время от времени выглядывая в окно.*)

МАРЧЕЛЛО. Кто знает, где он был все эти годы! Бедняга...

ИММАКОЛАТА. Ах, бедняга, говоришь? Ты что, не помнишь, как он давал деньги под залог?.. Не бедняга, а подонок!

МАРЧЕЛЛО. После того что он пережил...

ИММАКОЛАТА (*глядя в окно*). Его больше нет. Он ушел.

Снова звонят в дверь. Марчелло и Иммаколата смотрят друг на друга. Не знают, что делать. Марчелло пытается встать, Иммаколата молча заставляет его сесть снова. Опять звонят в дверь. Иммаколата подходит к глазку. Смотрит. Потом шепотом говорит что-то мужу.

МАРЧЕЛЛО (*вставая*). Это он?

ИММАКОЛАТА (*шепотом*). Ты можешь помолчать?! (*Смотрит снова в окно.*) Нужно подождать. А вдруг это не он?

МАРЧЕЛЛО (*глядя на улицу*). Это он, Иммакола, это он. И ты это знаешь.

ИММАКОЛАТА. На лестнице темно. Почти ничего не видно...

МАРЧЕЛЛО (*подходит к жене и говорит шепотом*). Я эти глаза никогда не забуду, Иммакола. Это он. Я все помню, как будто это было вчера. После того как мы подписали. Он смотрел на меня этими глазами... как будто хотел сказать: "Консальви, я знаю, что ты хороший человек. Я знаю, что тебе можно доверять". Он смотрел на меня и ничего не говорил, но глаза-то его говорили.

ИММАКОЛАТА (*вставая к глазку вместо мужа*). Он собирается уходить. А по мне, мы все-таки ошиблись!

МАРЧЕЛЛО. Да ты что, Иммакола? Он вернулся к себе домой!

ИММАКОЛАТА (*оборачиваясь к Марчелло*). Э нет, ты ошибаешься, Консальви. Это наш дом.

Свет гаснет.

Сцена третья

В темноте слышно, как кто-то ударяется обо что-то.

МАРЧЕЛЛО. Ай-яй! Прямо об угол! Какая боль!

ИММАКОЛАТА. Тсс... ты можешь помолчать? Давай быстрее!

МАРЧЕЛЛО. Как я могу быстрее? Ничего не видно... Давай хоть свечку зажжем!

ИММАКОЛАТА. Ты соображаешь? А если он спрятался за дерево и смотрит? Увидит свет и сразу наверх! Ну давай, звони!

МАРЧЕЛЛО. Объясни мне, как я наберу номер?
ИММАКОЛАТА. Подожди!

[64]
ИЛ 12/2018

Мы видим силуэт Иммаколаты, которая перебегает через сцену. Она ударяется об диван, приглушенно вскрикивает. Уходит со сцены и тотчас возвращается с одеялом в руках. Подходит к телефону. Пристраивает одеяло за своей спиной и спиной мужа. Потом зажигает свечу. Читает номер телефона из записной книжки.

Давай! Шестьдесят семь, двадцать три.

МАРЧЕЛЛО (*набирает номер*). Не слишком ли поздно?

ИММАКОЛАТА. Скажи ему, что у нас срочное дело.

МАРЧЕЛЛО. Он спит... не отвечает. Иммакола, я положу трубку...

ИММАКОЛАТА. Нет, я тебе говорю — звони!

МАРЧЕЛЛО. Алло? (*Свеча гаснет.*)

ИММАКОЛАТА. Ты что орешь? Ну вот, погасил свечу! (*Зажигает ее снова.*)

МАРЧЕЛЛО. Адвокат Феличетти?.. Извините ради Бога... вы уже спали, да? Я знаю, что одиннадцать... конечно, я понимаю... (*С упреком смотрит на жену.*) Извините Бога ради, но у нас срочное дело.

Иммаколата делает ему знаки руками.

Да... нет, дело в том, что... вы же знаете... вы ведь помните... вы... короче... все в порядке, правда? Как “о чем”? Я хотел сказать... тот факт, что... в общем... квартиры, магазины... нотариальная запись, я имею в виду. Все в порядке... Вы думаете, да? (*Закрывает трубку рукой.*) Он говорит: о чем вы беспокоитесь? Я все помню, все в порядке! (*Освобождает трубку.*) Да нет, конечно... но предположим... этого, конечно, не может быть, потому что не может быть... но предположим... что он вернется!.. Я знаю, что умер... я знаю, я знаю... но... но... если мы представим себе... там ведь была еще оговорка, правда? Ну конечно, разве вы не помните? Та отдельная бумага, которую мы подписали, в которой говорилось, что, когда он вернется... Ах, вот оно что... раз уже известно... нет, правда, вы так думаете? Вон оно как... Вы считаете? Может, я завтра найду, и мы спокойно... Простите, адвокат... Простите, Бога ради... Всего самого доброго, и передайте вашей супруге тоже... Он положил трубку.

ИММАКОЛАТА. Ну, что он тебе сказал?

МАРЧЕЛЛО. Ты слышала...

ИММАКОЛАТА. Я про недвижимость.

МАРЧЕЛЛО. Что все в порядке. Что я законный владелец в любом случае.

ИММАКОЛАТА. А оговорка? А бумага?

МАРЧЕЛЛО. Он ее выбросил.

ИММАКОЛАТА. Как это выбросил?

МАРЧЕЛЛО. Так он мне сказал. Он говорит, что хозяин официально считается мертвым, и поэтому бумагу он выбросил.

ИММАКОЛАТА. Ты правду говоришь?

МАРЧЕЛЛО. Вроде так, получается.

ИММАКОЛАТА. Ну конечно! Он умер. Официально — он умер. Бумагу выбросили... Нам ничего не грозит. Видишь? Что я тебе говорила? И волноваться не о чем.

МАРЧЕЛЛО. Как не о чем, Иммакола? Он вернулся. Станем делать вид, что ничего не случилось?

ИММАКОЛАТА (*берет со стола папку.*) Какой еще вид! Документы ясно говорят: хозяин — ты! Смотри сюда, здесь написано черным по белому: такого-то числа... синьор... уступает синьору Марчелло Консальви. Марчелло Консальви, родившемуся в Риме... и так далее. Уступает! Оговорки больше нет... и пусть он засунет ее себе в задницу!

МАРЧЕЛЛО. Иммакола, ты прекрасно знаешь, что это не так. Нет смысла нам сейчас...

ИММАКОЛАТА. А вот и нет, именно так!

МАРЧЕЛЛО. И, по-твоему, что я должен делать? В следующий раз, когда он позвонит в дверь, я открою и скажу: “Теперь хозяин я!” И — в шею его?

ИММАКОЛАТА. А почему нет? Что здесь плохого? Получается, что, только когда ему нужно, ты — хозяин? Э нет, мой дорогой, так не пойдет!

МАРЧЕЛЛО. Раз ты так уверена, тогда зачем мы прячемся здесь в темноте за одеялом... как воры?

ИММАКОЛАТА. Хм... при чем здесь это?

МАРЧЕЛЛО. При том, при том, Иммакола. Еще как при том! А ты знаешь, сколько найдется свидетелей, которые могут рассказать, что было на самом деле? В суде, представляешь себе? Ты представляешь себе, например, Спиццикино? “Господин судья, Марчелло Консальви был простым работником на фирме. Простым продавцом. Присутствующий здесь истец был вынужден переписать на него свое имущество из-за расистских законов, которые предусматривали конфискацию...” Я прямо как будто слышу, как она это говорит!

ИММАКОЛАТА. Шлюха!

МАРЧЕЛЛО. Но это правда, Иммакола. Чистая правда. А вслед за Спиццикино все побегут свидетельствовать в пользу хозяина. Ты должна это понимать.

ИММАКОЛАТА (*подавленно*). Но ведь тринадцать лет! Через тринадцать лет!

МАРЧЕЛЛО. После того что он, наверное, пережил...

ИММАКОЛАТА. Он мог потерять память...

МАРЧЕЛЛО. А почему он тогда к нам звонил?

ИММАКОЛАТА. Ну конечно! Именно так! Вчера в новостях рассказывали об одной собаке, которую хозяева нечаянно забыли на бензозаправке. И знаешь, как далеко? За триста километров или около того. Ну и вот эта собака через неделю вернулась к себе домой. Она сама нашла дорогу. Собака! Ты можешь себе представить? Собака-то не разговаривает. Она не может спросить дорогу, но ведь как-то она вернулась! На голом инстинкте.

МАРЧЕЛЛО. Он — человек. Он умеет говорить, Иммакола. Еще как умеет! Достаточно, чтобы кто-нибудь его узнал...

ИММАКОЛАТА. Вот именно, Консальви, вот именно! Ты все правильно говоришь! Достаточно, чтобы кто-нибудь его узнал! А почему его до сих пор никто не узнал?

МАРЧЕЛЛО. Откуда тебе это известно?

ИММАКОЛАТА. Если бы его узнали, то разве здесь у нас не было бы уже столпотворения? Ты что, блаженный, а, Консальви? Здесь уже была бы революция! Ты не понимаешь одну очень простую вещь, Консальви! Зависть! У нас в гетто никто... ну просто ни один человек не смирился с тем, что нам так повезло. И никогда не смирился! Здесь никто не смог переварить, что нам выпала такая удача! Конса, они нас терпеть не могут!

МАРЧЕЛЛО. Мне никто ничего дурного ни разу не сказал.

ИММАКОЛАТА. Тебе так кажется! Тебе это только кажется! В лицо — да. А как только ты за угол — ушат помоев... Уж будь уверен. Они только и ждут, чтобы мы вылетели в трубу и “закрыли лавочку”... Но от меня они не дождутся ничего! Я готова на все...

МАРЧЕЛЛО. На что — на все?

ИММАКОЛАТА. В прислуги я больше не пойду, Конса. Можешь не сомневаться.

МАРЧЕЛЛО. Вот увидишь, когда мы все ему вернем...

ИММАКОЛАТА. Замолчи, Конса, даже слушать не хочу!

МАРЧЕЛЛО. Вот увидишь, он будет нам благодарен. Может, мы договоримся, и он оставит нам квартиру в Ченто-челле...

ИММАКОЛАТА. Две комнаты и кухню, Конса? Ты и вправду думаешь, что я пойду жить в эту убогую халупу?

МАРЧЕЛЛО. А что, разве в Примавалле у нас была вилла, Иммакола?

ИММАКОЛАТА. Заруби себе на носу! Я в прислуги больше не пойду!

МАРЧЕЛЛО. Ну и как нам быть, Иммакола? Сидеть взаперти? Никуда не выходить?

ИММАКОЛАТА. Предложим это ему.

МАРЧЕЛЛО. Что?

ИММАКОЛАТА. Отдадим ему эту квартиру в Ченточелле.

МАРЧЕЛЛО. Ты шутишь?

ИММАКОЛАТА. Нисколько! Он один... Две комнаты и кухня — для него даже слишком много.

МАРЧЕЛЛО. Но он — Хозяин!

ИММАКОЛАТА (*переходит на крик, но сразу сдерживается*). Был хозяин! Был! Был! (*Уже тихо.*) А если бы ты был на его месте? Черта с два ты бы у него что-нибудь получил! Черта с два! Именно потому что мы не такие, как он... потому что мы приличные люди... Мы, может быть, отдали бы ему еще и квартирку на виа Фаленьями.

МАРЧЕЛЛО. Вот-вот, эту нору-то...

ИММАКОЛАТА. Хм... Почему же нам платят за эту “нору”, как ты ее называешь? Эта “нора”, как ты говоришь, стоит денег, немалых денег! И чем ему плохо? Квартира плюс аренда — заживет как король!

МАРЧЕЛЛО. Король! Да ты в своем уме, Иммаколата?

Темно. Звонит телефон.

Сцена четвертая

Свет просачивается через по-прежнему закрытые ставни. Телефон продолжает звонить. Гостиная пуста. Затем появляется Иммаколата, которая, прежде чем ответить, смотрит на улицу сквозь ставни, а потом смотрит в глазок входной двери.

ИММАКОЛАТА. Алло... Элена! Как ты там, детка? У нас... хорошо, хорошо. Нет, почему? Почему странный?.. просто у меня уже несколько дней першит в горле... нет, нет, все хорошо, не волнуйся. У вас холодно? Да? Сделайте себе пару горячих бутербродов... Королеву? Вы видели королеву? Молодцы... молодцы... Папа вышел. Да. Конечно, я ему скажу. Конечно. Привет Густаво. Да нет же, говорю я тебе. Да нет... абсолютно ничего не случилось... не

волнуйся, постарайтесь хорошо провести время... Когда вы вернетесь к мамочке? Пять дней... конечно. Конечно, мы приедем за вами на вокзал. Чао, Элена. Чао. (*Кладет трубку. Говорит с собой.*) Конечно, приедем.

Возвращается к окну и смотрит на улицу. Звонок в дверь заставляет ее вздрогнуть. Боязливо приближается к входной двери. Смотрит в глазок. Открывает. Не спрашивая разрешения, торпливым шагом входит Тито.

ТИТО. Я забыл свой шведик, и пошли вы все...

Пересекает сцену и входит в дверь кухни. Иммаколата смотрит, нет ли кого на лестничной площадке, потом закрывает дверь. Через некоторое время Тито выходит из двери кухни со шведским ключом в руке.

ИММАКОЛАТА (*прислонившись к входной двери; кокетливо*). Я могу предложить тебе кофе?

ТИТО. Дай мне пройти, Иммакола, сегодня неподходящий день. Ну давай же, открывай дверь.

ИММАКОЛАТА. Я хотела попросить у тебя прощения за вчерашнее, Ти.

ТИТО (*пораженный*). Ты это серьезно или придуриваешься?

ИММАКОЛАТА. Титочка, сейчас у нас очень тяжелый момент.

ТИТО (*нерешительно*). Меня не проведешь, Иммакола. Давай, пропусти меня.

ИММАКОЛАТА. Когда-то ты совсем не так со мной разговаривал...

ТИТО. Слушай, я должен идти на работу. У меня времени нет на эти глупости.

ИММАКОЛАТА. Ну к чему такая спешка? Я сделаю тебе кофе, и потом пойдешь.

ТИТО. Я же тебе сказал...

ИММАКОЛАТА. И ты оставишь меня без воды, Ти?

ТИТО. Вот теперь до тебя дошло. Если у тебя что не так... зови другого слесаря.

ИММАКОЛАТА. Я попросила у тебя прощения. Что мне сделать? Встать на колени?

ТИТО. Я хочу две тысячи лир.

ИММАКОЛАТА. Я дам тебе три. Но сначала ты выпьешь кофе. Садись, а я пойду поставлю кофеварку на плиту.

Уходит. Тито в замешательстве. Садится. Потом встает, смотрит на себя в зеркало, поправляет волосы. Через несколько секунд Иммаколата возвращается на сцену. Садится рядом с Тито. Пауза. Пристально на него смотрит.

Конечно... столько времени прошло...

Тито. Мы становимся старыми...

Иммаколата. А ведь мы были такие молодые... ты помнишь, Ти?

Тито. Дети, можно сказать...

Иммаколата. Совсем еще дети, это правда... *(Пауза.)* Фьямма здорова? Как малыши?

Тито. Ну ты и скажешь — “малыши”! Одному семнадцать, а другой — пятнадцать.

Иммаколата. Подумать только! Семнадцать и пятнадцать?

Тито. А то!

Иммаколата. Как их зовут-то, не могу вспомнить...

Тито. Эрнесто и Лючия.

Иммаколата. Вот-вот. На языке вертелось...

Тито. Что ты хочешь, Иммакола?

Иммаколата. Теперь уже и поболтать нельзя просто так со старым другом?

Тито. Со старым другом? Это как? Вчера вечером я был “маркизом”, “слесарем”, а сегодня стал старым другом?

Иммаколата. Вчера я была не в себе, Ти. А сегодня — это сегодня. Мне жаль, что я тебя так... Просто я должна была выяснить кое-что с Марчелло. Мы сейчас... не очень ладим. Может, потому что уже сто лет женаты... Я забеременела от него, когда мне было всего семнадцать... Я прошу у тебя прощения еще раз.

Тито. Ладно, ладно... и хватит уже.

Иммаколата. Просто... Марчелло...

Тито. Ну?

Иммаколата. Я ничего не хочу сказать, он хороший человек...

Тито. А что ты можешь сказать? Другого такого тебе сроду не найти!

Иммаколата. Это — да. *(Меняет тему разговора.)* Подумать только! Я ведь тебя прямо-таки вытолкала вчера! Если бы кто-нибудь шел по лестнице в тот момент, он мог бы подумать, что это я любовника так...

Тито улыбается, Иммаколата тоже улыбается, потом продолжает уже серьезно.

Но ведь на лестнице никого не было, да?

Тито еще продолжает улыбаться.

Я говорю, был кто-нибудь на лестнице-то?

Тито. Не думаю...

Иммаколата. В этом доме, ты не поверишь, все всё знают, как в деревне. Так, говоришь, никого не было?

Тито. Нет, не думаю...

Иммаколата. А у подъезда?

Тито. Где?

Иммаколата. Я говорю, у подъезда ты никого не встретил?

Тито. Трудно сказать...

Иммаколата. Мужчин... женщин... стариков?

Тито. Я был такой злой, что, даже если бы там кто-нибудь и был...

Иммаколата. Ну, ясно... значит... поручиться ты не можешь.

Тито. Нет, поручиться, конечно, нет.

Иммаколата. А! Значит, если там кто-нибудь был, он мог видеть, как ты выходишь из подъезда...

Тито. Ну да, если кто-то там был, он не мог меня не заметить. Я такие матюги отпускал...

Иммаколата. Ясно...

Пауза. Тито в смущении.

Я вот думаю, как же мы все-таки меняемся, а?

Тито. И не говори...

Иммаколата. Годы-то идут!

Тито. Еще как идут. Кто знал когда-то, что такое изжога! Я мог гвозди жрать... а теперь, стоит только съесть что-нибудь не то, всю ночь животом маюсь.

Иммаколата. А какие мы были... к примеру... лет тридцать назад!

Тито. Еще бы, Иммакола!

Иммаколата. Но узнать-то нас еще можно ведь, верно?

Тито. Немного растолстели, но в общем и целом... Надеюсь, что еще можно. Хотя иногда это не так уж и просто. Вот как раз сегодня утром, стою я на углу пьядца Фарнезе, и подходит ко мне какой-то старик...

Иммаколата. Старик?

Тито. Ну да, на вид лет шестьдесят пять как минимум, и говорит мне: "Привет, Ти!"

Иммаколата. И кто это был?

Тито. Я начал думать, кто это может быть? Никогда раньше его не видел. Кто его знает... А он так уверенно: "Ты что, Ти, не узнаешь меня, что ли?" Я, по правде говоря...

Иммаколата. Кто это был, Ти?

Тито. Синьор Винченцо.

Иммаколата. Винченцо?

Тито. Именно он, Иммакола. Винченцо. Ты не помнишь разве, в церкви... с вечно спущенными портками? Он моего возраста.

ИММАКОЛАТА (*с облегчением*). Точно. Со спущенными...

ТИТО. Он мне понарасказывал кучу всего. Шесть лет отсидел... ну прямо как старик стал.

ИММАКОЛАТА. Вот видишь? Бывает, что и не узнать...

ТИТО. Это смотря какая у кого жизнь. Посмотри на Умберто! Он как огурчик. Не изменился нисколько. Я это к тому, что иногда, Иммакола... кофе... у тебя сейчас убежит кофе...

ИММАКОЛАТА вздрагивает, встает и исчезает за дверью.

Да...

Проходит несколько секунд. Раздается звонок в дверь. Тито встает и направляется к двери, чтобы открыть ее. ИММАКОЛАТА влетает молнией и опережает его. Смотрит в глазок. Потом открывает.

ИММАКОЛАТА. Быстрее!

МАРЧЕЛЛО (*голос за сценой*). Я опять забыл их...

ИММАКОЛАТА. Ты можешь побыстрее? Входи!

Входит МАРЧЕЛЛО. На нем шляпа, шарф и черные очки.

ТИТО (*всё в большем замешательстве*). Марче, это ты?

МАРЧЕЛЛО (*снимая шляпу и черные очки*). А ты что тут...

ТИТО. Я забыл шведик... Марче, что происходит?

ИММАКОЛАТА. Ничего. Ровным счетом ничего. Ты куда-то спешил, Ти?

ТИТО. Да разве...

Иммаколата делает ему знаки, говорящие: "Оставь нас одних".

Ладно, вернусь сегодня вечером и тогда уж починю ваш кран...

ИММАКОЛАТА. Спасибо тебе, Ти, спасибо. (*Провожает его до дверей*.)

МАРЧЕЛЛО. Пока, Ти.

ИММАКОЛАТА (*закрывает дверь и потом обращается к Марчелло*). Тито его не узнал.

МАРЧЕЛЛО. Не может быть! Он же с ним даже разговаривал... ты сама видела, как они разговаривали...

ИММАКОЛАТА. Он ничего не помнит.

МАРЧЕЛЛО. Может, он не хочет говорить, чтобы посмотреть...

ИММАКОЛАТА. Он точно его не узнал. А у тебя что?

МАРЧЕЛЛО. Ничего. Его никто не видел.

ИММАКОЛАТА (*в тревоге*). Ты прямо так у всех и спрашивал?

МАРЧЕЛЛО. За кого ты меня принимаешь?

ИММАКОЛАТА. Тогда — ладно! А как же ты...

МАРЧЕЛЛО. Как-как... разговаривал, о том... о сем...

ИММАКОЛАТА. О чем — о том?

МАРЧЕЛЛО. В магазине, например... я спросил: “А как к вам относился хозяин?”

ИММАКОЛАТА. Молодец! А они?

МАРЧЕЛЛО. Ничего. Они мне ответили... “у него сухой корки, бывало, не выпросишь, за копейку готов был удавиться”.

ИММАКОЛАТА. А они не намекали...

МАРЧЕЛЛО. Абсолютно.

ИММАКОЛАТА. Ты им сказал, что уже несколько дней...

МАРЧЕЛЛО. Да.

ИММАКОЛАТА. И они ничего не сказали?

МАРЧЕЛЛО. Когда они меня увидели, согнутого пополам... Лючия меня спросила, насколько это серьезно...

ИММАКОЛАТА. Могу себе представить сплетницу эту... А ты, случаем, не очень перестарался, а?

МАРЧЕЛЛО. Я согнулся, как ты сказала... (*Показывает ей, как он согнулся.*)

ИММАКОЛАТА. Ну и что здесь подозрительного? Радикулит... ничего странного.

МАРЧЕЛЛО. У меня теперь на самом деле спина болит... вошел в роль, понимаешь...

ИММАКОЛАТА. Ладно, с магазином разобрались. Ты всех обошел, как я тебе говорила?

МАРЧЕЛЛО. Да, Иммакола, да. Я постучался к консьержу...

ИММАКОЛАТА. И он ничего не сказал?

МАРЧЕЛЛО. Ничего не сказал? Он держал меня двадцать минут! Он мне голову задурил с нашим кондоминиумом: и за уборку не платят, и то, и се... двадцать минут меня держал!

ИММАКОЛАТА. А о нем — ничего?

МАРЧЕЛЛО. Ну как ты думаешь, если бы он его видел... Тут уж такое бы началось!

ИММАКОЛАТА. А потом?

МАРЧЕЛЛО. Я зашел к синьоринам...

ИММАКОЛАТА. И что?

МАРЧЕЛЛО. Ничего. Как всегда. Пришлось даже отведать пиццу... У меня от их угощения до сих пор живот пучит... А что мне оставалось делать?

ИММАКОЛАТА. Правильно. А в синагоге...

МАРЧЕЛЛО. Я же тебе сказал, что я обошел всех до одного, как ты мне велела...

ИММАКОЛАТА. Давиде там был?

МАРЧЕЛЛО. Стоял на улице...

ИММАКОЛАТА. Ты с ним говорил?

МАРЧЕЛЛО. Он тоже ничего мне не сказал.

ИММАКОЛАТА. Ну уж если Давиде ничего не сказал, значит, он точно его не видел...

МАРЧЕЛЛО. Что он его не видел, тут двух мнений быть не может, Иммакола...

ИММАКОЛАТА. Ты еще остришь?! Я хотела сказать “слышал”, понятно? Слепой всегда узнаёт по голосу! Значит... если Давиде ничего не сказал... то какой отсюда вывод? Может быть, мы все-таки ошиблись...

МАРЧЕЛЛО. Нет, Иммакола, нет. И ты это знаешь.

ИММАКОЛАТА. Но как так может быть, что, кроме нас, никто его не видел?

МАРЧЕЛЛО. Это был он. Хозяин.

Акт второй

Сцена первая

В полутемной гостиной появляется МАРЧЕЛЛО в пижаме, он выходит на сцену из спальни, подходит к окну. Вглядывается. Потом подходит к входной двери и смотрит в глазок. Снова уходит в спальню. Немного погодя выходит ИММАКОЛАТА в нижнем белье, подходит к глазку и смотрит на лестницу. Затем тоже подходит к окну и смотрит во двор. Возвращается в спальню.

Сцена вторая

Рассвет. Свет начинает проникать в гостиную сквозь отверстия в ставнях. В кресле в пижаме сидит задремавший МАРЧЕЛЛО. В дверях спальни появляется ИММАКОЛАТА.

МАРЧЕЛЛО. Ты тоже слышала?

ИММАКОЛАТА. Да.

Они смотрят друг на друга, затем оба устремляются к входной двери, чтобы посмотреть в глазок.

МАРЧЕЛЛО (*шепотом*). Никого нет.

ИММАКОЛАТА. Но ведь звонили.

МАРЧЕЛЛО. Он хочет помотать нам нервы... Если он прячется на лестнице... Иммакола, давай откроем, и — делу конец.

ИММАКОЛАТА. Тсс...

МАРЧЕЛЛО (*продолжает шепотом*). Сил моих больше нет, Иммакола.

ИММАКОЛАТА (*шепотом*). Замолчи немедленно!

МАРЧЕЛЛО. Как по-твоему, почему он пришел в такое время? Посмотри, четверть шестого... потому что он... он подумал: "В это время я их точно застану". Он понял, что мы водим его за нос. Все, открывай...

ИММАКОЛАТА (*прижимаясь спиной к двери, в воинственной позе*). Только через мой труп, Консальви.

МАРЧЕЛЛО. Да ты понимаешь, что ты делаешь? Ты понимаешь?

ИММАКОЛАТА (*посмотрев в глазок*). Никого нет, я тебе говорю.

МАРЧЕЛЛО. Тогда открывай.

ИММАКОЛАТА. Если бы он спрятался, он позвонил бы снова, верно?

МАРЧЕЛЛО. Почему же ты не открываешь, раз так уверена?

ИММАКОЛАТА. Ну конечно. Начну играть в рулетку в пять утра...

МАРЧЕЛЛО. Это он с нами играет, Иммакола! Он! Как кошка с мышами.

ИММАКОЛАТА. Мы еще посмотрим, кто из нас кошка.

МАРЧЕЛЛО. Ну и кто же, по-твоему? Мыши живут в темноте, они прячутся...

ИММАКОЛАТА. Бред, Консальви. Это все твои галлюцинации.

МАРЧЕЛЛО. Ну какие же это галлюцинации, Иммакола...

ИММАКОЛАТА. По-моему, он никогда не приходил.

МАРЧЕЛЛО. Вот увидишь, он вернется! Он вернется! Ты это понимаешь, Иммакола? Он будет возвращаться все время, пока мы не откроем ему эту дверь.

ИММАКОЛАТА (*подбегая к окну*). Опять заладил свое... Ну что с тебя взять, Консальви? Ты родился трусом.

МАРЧЕЛЛО (*тоже идет к окну*). Вон он! Видишь? Вон он стоит! Рядом с деревом... Бред, да? Вот она — моя галлюцинация. Смотрит прямо сюда...

ИММАКОЛАТА (*глядя через ставни*). Ну и пускай смотрит! Рано или поздно ему надоест.

МАРЧЕЛЛО. Ты когда-нибудь пробовала поставить себя на его место? Пробовала, Иммакола? Тебе бы надоело? Знаешь, что бы ты сделала, Иммакола? Ты бы уже вышибла эту дверь, точно тебе говорю!

ИММАКОЛАТА. По-моему, это не он. Посмотри, как он ходит... разве тот так ходил? Посмотри, он хромает...

МАРЧЕЛЛО. Откуда мы знаем, что с ним могли сделать? Ты что думаешь, он с курорта вернулся? Уже чудо, что...

ИММАКОЛАТА. Назови это чудом! (*Длинная пауза.*) Из всех, кого там испекли, именно этот должен был...

МАРЧЕЛЛО. Не кощунствуй, Иммакола. Не кощунствуй.

ИММАКОЛАТА. Ах, я кощунствую? Тот, с усиками-то, знал, что делал. Он все понимал правильно!

МАРЧЕЛЛО. Ты что, очумела, Иммакола?

ИММАКОЛАТА (*как бы обращаясь к тому, кто стоит внизу*). Не дожدهшься, понял?! Хрен ты у меня получишь этот дом!

Длинная пауза.

МАРЧЕЛЛО. Завтра пойду поговорю с раввином.

ИММАКОЛАТА. Куда ты пойдешь?

МАРЧЕЛЛО. К раввину.

ИММАКОЛАТА. И что ты собираешься ему сказать?

МАРЧЕЛЛО. Правду.

ИММАКОЛАТА. Какую правду? Какую?

МАРЧЕЛЛО. Что хозяин вернулся.

ИММАКОЛАТА. Ты жалок, Консальви. Просто жалок.

МАРЧЕЛЛО. Я решил. Завтра пойду. Подготовим документы, и конец.

ИММАКОЛАТА. Если ты это сделаешь, обо мне забудь, Марче.

МАРЧЕЛЛО (*пораженный*). Что случилось? Почему вдруг ты назвала меня по имени?

ИММАКОЛАТА. А что такого?..

МАРЧЕЛЛО. Ты уже пять лет не даешь до себя дотронуться, Иммакола.

ИММАКОЛАТА. Кто бы мог подумать, что у тебя такие фантазии в голове. Ты приходишь, плюхаешься перед этим ящиком...

МАРЧЕЛЛО. Это ты меня заставляешь перед ним плюхаться, Иммакола. И ты это знаешь. Я бы не плюхался перед телевизором, если бы ты...

ИММАКОЛАТА. Ну конечно! Опять я во всем виновата!

МАРЧЕЛЛО. Но если последний раз, когда я попытался... а это было ровно пять лет назад, Иммакола... ты, наверное, даже не помнишь, что ты мне сказала.

ИММАКОЛАТА. Еще бы! Пять лет назад! И что я могла тебе такого сказать?

МАРЧЕЛЛО. “Убери свою руку, Консальви, мне неприятно”. Вот что ты сказала.

ИММАКОЛАТА. Да брось ты!

МАРЧЕЛЛО (*скандируя каждое слово*). “Убери свою руку, Консальви, мне неприятно”.

ИММАКОЛАТА. Вот еще новости. Да потому что ты меня мучил, вот почему. Но из-за этого говорить, что... К тому же, кажется, страсть в тебе поутихла после того раза.

МАРЧЕЛЛО. Какая страсть, Иммакола? Какая может быть страсть после того, как тебе говорят: “Убери свою руку, мне неприятно”?

ИММАКОЛАТА. Тебя послушать, мы должны были целыми днями ничем другим не заниматься...

МАРЧЕЛЛО. Что значит другим, Иммакола? Я хотел бы только, чтобы у меня была жена. Как раньше.

ИММАКОЛАТА. Тебе всегда нравилось пятиться назад, как делают раки.

МАРЧЕЛЛО. Мне нравится жить спокойно. Разве я слишком многого хочу, Иммакола?

ИММАКОЛАТА. Я назад не вернусь.

МАРЧЕЛЛО. Ты меня действительно любила? Хотя бы чуточку, я хочу сказать... раньше.

Иммаколата поворачивается и смотрит на него. Свет гаснет.

Сцена третья

Гостиная пуста. Лучи солнца пробиваются сквозь ставни. На сцену выходит МАРЧЕЛЛО. Он в пижаме. Зевает. Вид довольный.

ИММАКОЛАТА (*голос за сценой*). Садись.

Марчелло садится. Вскоре появляется ИММАКОЛАТА в халате. У нее в руках поднос с двумя чашками и печеньем. Она подает завтрак Марчелло. Марчелло улыбается.

МАРЧЕЛЛО. Я уже забыл, как это прекрасно, Иммакола.

Иммаколата улыбается ему.

Какая ты красивая, Иммакола!

ИММАКОЛАТА. Была красивая когда-то...

МАРЧЕЛЛО. Когда-то? Ты сейчас красивая. Сейчас. Ты никогда такой красивой не была, Иммакола.

ИММАКОЛАТА. Если бы, Марче, если бы...

МАРЧЕЛЛО. Я правду говорю. Я уже забыл твой запах...

ИММАКОЛАТА. Если учесть, сколько мне стоили эти духи...

МАРЧЕЛЛО (*встает, обнимает жену, начинает ее целовать*). Да нет же, я говорю о твоём собственном запахе. Когда ты перед сном клала свою головку мне на плечо... и я чувствовал твой запах. Пять лет я об этом мечтал...

ИММАКОЛАТА. Заботы, Марче. Заботы. Когда у тебя в голове одни заботы, забываешь обо всем остальном...

Марчелло целует ее в шею.

Хватит, Марче... Мне щекотно...

МАРЧЕЛЛО. А почему же раньше у нас не было всех этих забот, Иммакола? Мы еле сводили концы с концами, разве ты не помнишь? Зато мы любили друг друга... (*Пытается ее поцеловать.*)

ИММАКОЛАТА. Потому что ничего не понимали, Марче...

МАРЧЕЛЛО. Нет, Иммакола, нам было хорошо. Мы любили друг друга. И ты смеялась.

ИММАКОЛАТА. Да ладно тебе, никогда я так уж много не...

МАРЧЕЛЛО. Не много, но смеялась, Иммакола. А что может быть лучше, чем смех? Когда смеешься от души. Смеешься от души и...

ИММАКОЛАТА. Прекрати, Марче...

МАРЧЕЛЛО. Ну как я могу прекратить? Как?

ИММАКОЛАТА. Хватит, Марче, убери уже руки...

МАРЧЕЛЛО. Они сами двигаются, Иммакола. Я не могу их убрать...

ИММАКОЛАТА (*останавливая его руки и отталкивая его от себя*). Садись, и будем завтракать. Веди себя хорошо, ладно? У меня для тебя сюрприз.

Марчелло очень неохотно садится. Иммаколата наливает ему молоко в чашку. Затем выходит.

МАРЧЕЛЛО. Мне кажется, что я сплю.

Появляется Иммаколата с тарелкой оладий в руках.

Не может быть... ты что, испекла оладьи святого...

ИММАКОЛАТА. Именно. Святого Иосифа...

МАРЧЕЛЛО. Оладьи святого Иосифа! (*Съедает одну оладью.*) Тают во рту! Когда ты их делала в последний раз, Иммакола?

ИММАКОЛАТА. Кто это помнит...

МАРЧЕЛЛО. Мне кажется... если я не ошибаюсь, мы еще жили в Примавалле.

ИММАКОЛАТА. Может быть.

МАРЧЕЛЛО (*отхлебывает молока*). Такие же. Точно такой же вкус.

ИММАКОЛАТА. Рецепт тот же.

МАРЧЕЛЛО. Вот я и говорю, какие же мы были счастливые, Иммакола. А на праздники... ты помнишь, какое лицо

было у Элены, когда ты делала оладьи? (*Смотрит на стол*). Кофе с молоком, печенье... ты знаешь, я никак не могу к этому привыкнуть. Тринадцать лет прошло, а я все еще не могу поверить, что макаю печенье в кофе с молоком. Потому что вкус размоченного черствого хлеба... он у меня еще во рту. И как у меня по утрам болела поясница... вот это была жизнь, Иммакола. Похохотали — и вперед!

ИММАКОЛАТА. Я-то смеялась, чтобы не плакать, Марче. Что там у нас было веселого в нашей жизни? Ты что, не помнишь, как...

МАРЧЕЛЛО. Но зато все было настоящее. Самое настоящее... Жировать, конечно, не жировали...

ИММАКОЛАТА. Ты о чем, Марчелло? Разве мы когда-нибудь жировали в нашей жизни? Разве такое было?

МАРЧЕЛЛО. Но все было настоящее. Настоящее. Наше.

ИММАКОЛАТА. Нищета, Марче. Только нищета и была наша. Нам даже пеленки для Элены приходилось брать взаймы. Мы не могли найти денег даже на какашки нашего ребенка.

МАРЧЕЛЛО. Зато никто не судачил за нашей спиной, Иммакола. А здесь все фальшивое. Фальшивое. Ты разве не видишь? У нас было четыре хромых стула с продавленными сидениями, но мы их сами выбрали. А вот этот стул... Мне всегда было неудобно на этом стуле. Я себя чувствую на нем так, как будто мне подложили горящие угли под... ты понимаешь, о чем я говорю? Достоинство, Иммаколата. Вот чего мне не хватает. Мне не хватает достоинства.

ИММАКОЛАТА. А мне его не хватало раньше, достоинства этого. Когда я ходила кланчить деньги у матери, чтобы дотянуть до конца месяца. Ты мне говоришь “все было наше”! Нищенство было наше. Только нищенство и было наше!

МАРЧЕЛЛО (*берет ее за руку*). Это Христос, Иммакола! Это подарок Иисуса Христа! Понимаешь? Это Христос его спас, хоть он и еврей. Он спас его для нас. Это знак свыше, Иммакола. И эти оладьи — тоже... Пришло время начать сначала. Начнем сначала нашу жизнь.

ИММАКОЛАТА. Ну конечно, начнем, Марче. Нужно только уладить эту неприятность...

МАРЧЕЛЛО. Да, Иммакола. Уладим все и начнем сызнава.

ИММАКОЛАТА. Как это сызнава?

МАРЧЕЛЛО. Сызнава, Иммакола. Плевать нам на то, где мы живем, как одеваемся, что едим... главное, что мы любим. Я как будто заново родился, Иммакола.

ИММАКОЛАТА. Ты что, ничего не понял, Марче?

МАРЧЕЛЛО. Неприятность...

ИММАКОЛАТА. Вот именно. Нужно ведь ее уладить, правда?

МАРЧЕЛЛО. Вот и сделаем, как я говорю. Вернем ему все...

ИММАКОЛАТА (*встает, заставляет Марчелло сесть на диван, потом садится на него верхом, обхватывает руками его голову и прижимает к груди.*) Вот так тебе хорошо, Марче? Тебе хорошо? У меня есть идея, Марче...

Свет гаснет.

Сцена четвертая

В темноте слышится скрип. Прерывистое дыхание. Когда лучи солнца начинают снова проникать сквозь ставни, мы видим Иммаколату, которая сидит на ногах мужчины. Дыхания больше не слышно. Иммаколата встает и приводит себя в порядок. Когда мужчина становится виден, то оказывается, что это Тито. Тито застегивает брюки. Он еще не может поверить в реальность происходящего.

ТИТО. Двое сумасшедших! Мы оба — сумасшедшие!

Иммаколата молчит.

Ты в своем уме? Ты хоть понимаешь, что было бы, если бы Марчелло нас застал?

ИММАКОЛАТА. Может, я и сумасшедшая, но не дура. До семи его не будет.

ТИТО. Зачем, Иммакола? Зачем?

ИММАКОЛАТА. Я тоже могу тебе сказать: “Зачем, Ти? Зачем?”

ТИТО. Э нет, Иммакола, нет! Если бы ты меня не подначивала...

ИММАКОЛАТА. Что-то мне недолго пришлось тебя подначивать, так мне показалось...

ТИТО. Я — мужчина.

ИММАКОЛАТА. Тебя никто насильно не заставлял...

ТИТО. Легко сказать!

ИММАКОЛАТА. А что, тебе разве не понравилось?

ТИТО. Ну, понравилось, конечно. Дело не в этом... Марчелло — мой друг.

ИММАКОЛАТА. И мой муж, не забывай. Ну и что из этого?

ТИТО. Что это на тебя нашло? Вот так вдруг, сразу?

ИММАКОЛАТА. Сердцу не прикажешь.

ТИТО. Да ты же всегда относилась ко мне, как к...

ИММАКОЛАТА. А с тобой такого никогда не бывало? Что вдруг... вот ходишь ты все время по одной и той же улице, и вдруг, в один прекрасный день, поднимаешь вверх глаза и видишь на портале скульптуру, которую раньше никогда не замечал. А она всегда там была. Но ты никогда не обращал на нее внимания.

ТИТО. Какую скульптуру?

ИММАКОЛАТА. Ты когда-нибудь ходишь по виа делле Дзокколе?

ТИТО. Еще бы!

ИММАКОЛАТА. Ну вот когда дойдешь до перекрестка с виа дель Консерваторию, посмотри наверх. Ты увидишь на портале распятого Христа... Я его заметила три дня назад.

ТИТО. В самую точку, Иммакола. Ты попала в точку. Если ты ищешь мученика на кресте, то он перед тобой. Я в долгах как в шелках, Иммакола.

ИММАКОЛАТА. Ну, значит, сегодня твой день, Ти!

ТИТО. Что ты хочешь этим сказать?

ИММАКОЛАТА. Сколько тебе нужно?

ТИТО. Брось, Иммакола, лучше не надо...

ИММАКОЛАТА. А я говорю, что сегодня тебе везет, Тито. Можешь мне поверить.

ТИТО. Мне нужно двадцать тысяч лир, Иммакола.

ИММАКОЛАТА. Ничего себе!

ТИТО. Я же тебе говорил...

ИММАКОЛАТА. В четверг тебе подойдет?

ТИТО. Что в четверг?

ИММАКОЛАТА. В четверг, на следующей неделе. Хорошо? Приходи сюда, и я тебе их дам. И, может быть, найду какое-нибудь поручение для Марчелло, и мы посмотрим, не разонравилось ли тебе еще...

ТИТО. Ты что говоришь...

ИММАКОЛАТА. Да или нет? Ты согласен? Да или нет?

ТИТО. Да, да, конечно.

ИММАКОЛАТА. Значит, договорились.

ТИТО. Что я должен сделать?

ИММАКОЛАТА. Как ты сказал?

ТИТО. Что я за это должен сделать?

ИММАКОЛАТА. Ничего... одну ерундовину.

ТИТО. И что это за ерундовина?

ИММАКОЛАТА. Сжечь старый ковер.

ТИТО. Ковер?

ИММАКОЛАТА. Да. Ковер.

ТИТО. Иммакола, ты за кого меня принимаешь? Думаешь, я мозги в сортире оставил? Говори правду: что я должен сделать?

ИММАКОЛАТА. Я же сказала, сжечь ко...

ТИТО. Ну конечно! И ты мне дашь двадцать тысяч лир за то, что я сожгу ковер! Правду, Иммакола, говори правду! Что я должен сделать?

Звонят в дверь. Иммаколата и Тито смотрят друг на друга. Иммаколата подбегает к глазку.

ИММАКОЛАТА (*шепотом*). Это Марчелло.

ТИТО (*испуганно*). Вот тебе и “в семь часов”! А если бы он вернулся на пару минут раньше... и я, дурак, тебе поверил!

ИММАКОЛАТА (*открывает*). Быстро ты...

МАРЧЕЛЛО (*входит и целует ее*). Он не пришел. Нотариусы всегда делают, что хотят... (*Видит Тито.*) А, Ти... Как жизнь?

ТИТО. Вот, пришел посмотреть кран...

МАРЧЕЛЛО. Его сложно починить, Ти? Если сложно, поменять его — и дело с концом! Не можем же мы сидеть без воды...

ТИТО. Да нет, нет, просто, когда спешешь... все бегом да бегом... (*Идет в сторону кухни.*) Пять минут — и все готово.

Выходит.

МАРЧЕЛЛО. Приходил?

ИММАКОЛАТА. Нет. (*Идет закрывать дверь, в которую вышел Тито.*) А у нотариуса его видели?

МАРЧЕЛЛО. Да какое там!

ИММАКОЛАТА. Вот видишь, Марче, что я права! Он хочет отомстить.

МАРЧЕЛЛО. За что? И почему нам?

ИММАКОЛАТА. Кто его знает. Мне ясно одно: он развлекается. Видно, вошел во вкус...

Марчелло жестом показывает, что он не понимает.

Ему нравится нагонять на нас страх. Так чтобы мы от ужаса дышать не могли. Потому что он прекрасно понимает, что мы чувствуем. А ты еще говоришь: “Кто знает, что он там пережил!” А мы? Мы не страдаем? Нам что, не приходится переживать? Он получает удовольствие...

МАРЧЕЛЛО. Думаешь?

ИММАКОЛАТА. Он человек без совести, твой шеф, уж поверь мне. У него никогда не было совести. Притворился барашком, когда ему это было выгодно. А на самом деле он — змея. Ты что думаешь, почему мне пришлось в голову...

МАРЧЕЛЛО. Боюсь, что я не смогу...

ИММАКОЛАТА (*обнимая его*). Да конечно сможешь, Марче. Мы вместе все сможем.

МАРЧЕЛЛО. Иммакола, мне это кажется сумасшествием.

ИММАКОЛАТА. А что ты предлагаешь? Если у тебя есть другое предложение... Он ничего, кроме этого, не заслуживает, поверь своей Иммаколоте! Если бы у него была хоть капля... явиться вот так, через тринадцать лет... меня чуть удар не хватил... Нет, Марче, нет. Я уже сказала тебе, почему он так делает: он получает удовольствие. “Я мучился, теперь помучайтесь вы”. Вот почему он так делает. Он такой... Тот, кто так думает, чего заслуживает, Марче?

Открывается дверь и входит Тито.

ТИТО. Кран в порядке. Резьба, конечно, почти совсем стерлась... Пока с паклей еще подержится. Но рано или поздно надо будет его менять. Воду я включил...

ИММАКОЛАТА. Спасибо, Ти. Сколько с нас?

ТИТО. На этот раз — ничего. (*Направляясь к выходу*.) А насчет ковра...

ИММАКОЛАТА. Я дам тебе знать.

ТИТО. Чао, Марче. До свидания, Иммакола.

Выходит.

МАРЧЕЛЛО. Насчет ковра? Какого ковра?

Сцена пятая

Единственным предметом, присутствующим на этой сцене, должен быть большой ковер, парящий в воздухе. Восточная музыка сопровождает полет ковра. Волшебное зрелище прерывается криком.

МАРЧЕЛЛО (*голос за сценой*). О Боже, мы падаем! О Бо-о-о-же-е-е!

ИММАКОЛАТА (*голос за сценой*). Марче! Марче!

Проходит несколько секунд. МАРЧЕЛЛО выходит на сцену в полосатой пижаме. Он задыхается. Подходит к окну. Открывает его. За ним выходит ИММАКОЛАТА в халате (тоже полосатом). Марчелло делает глубокие вдохи.

ИММАКОЛАТА. Что с тобой?! Что тебе приснилось?

МАРЧЕЛЛО. Приснилось. (*Глубокий вдох*.) Боже мой... я не могу дышать...

ИММАКОЛАТА (*выглядывая из окна на улицу*). Вот видишь? Нам нужно кончать с этим делом.

МАРЧЕЛЛО. Он летал.

ИММАКОЛАТА. Кто?

МАРЧЕЛЛО. Ковер. Летал, Иммакола. А мы были на нем, я и ты, Иммакола. Мы летали. Смеялись и летали. Это было здорово. Потом вдруг — удар... Ты представляешь себе шарик, когда он сдувается? И начинает дергаться, как сумасшедший... вум-вум-вум... (*Изображает полет безумевшего шарика руками.*) Вот так начал дергаться ковер. А мы на нем...

ИММАКОЛАТА. Он никогда не летал, Марче. Он лежал все время здесь, на месте.

МАРЧЕЛЛО. Нет, нет. Он летал. Еще как летал. Он уже тринадцать лет летает, этот ковер. А я хочу приземлиться, Иммакола. Жить спокойно. Я не хочу ломать себе шею. Мы тринадцать лет летали. Шутка сказать. А теперь пора приземляться. Мы еще молодые...

ИММАКОЛАТА. Вот именно, Марче, вот именно. Мы — молодые. (*Прижимает его к себе.*)

МАРЧЕЛЛО (*обнимая ее*). Поверь мне, Иммакола. Мы справимся и без этого. Поверь мне. Главное, чтобы ты меня любила, и я... я...

ИММАКОЛАТА. Что — ты?

МАРЧЕЛЛО. Я тебе обещаю, что...

ИММАКОЛАТА. Что, Марче, что? Ты думаешь, я не помню все твои обещания? Выплатим кредит, купим дом, я повезу тебя на море... (*Подводит его к зеркалу.*) Посмотри на себя, Марче. Посмотри на себя! Вот ты какой. Вот такой ты и есть.

МАРЧЕЛЛО (*улыбаясь*). Мы оба полосатые... Мы похожи на зеков, Иммакола.

ИММАКОЛАТА. Мы и есть зеки. Но теперь уже — хватит.

МАРЧЕЛЛО. Нет, Иммакола, нет. Я не смогу. Это не для меня. И это плохо кончится.

ИММАКОЛАТА. Я хочу, чтобы рядом был мужчина, а не размазня.

МАРЧЕЛЛО. Ну конечно...

ИММАКОЛАТА. В этом зеркале я ясно вижу: размазня.

МАРЧЕЛЛО. Ты видишь то, что хочешь видеть, Иммакола. Я не пойду на это. Я не смогу. Ты подумала о том, как мы будем спать после этого? Ты подумала? Мне уже сейчас снится этот ковер, а что будет потом? И какая жизнь... Я хочу спать по ночам. Спать спокойно. Ты разве не видишь, до чего мы дошли? Мы уже четыре дня не смыкаем

глаз... не можем есть... только бегаем туда-сюда от двери к окну... сидим за закрытыми ставнями... как воры.

ИММАКОЛАТА (*подходит и целует его в ухо*). Твоя Иммаколата тебя убаюкает...

МАРЧЕЛЛО. Я не могу, Иммакола. Даже не проси.

ИММАКОЛАТА (*увидев непреклонность Марчелло, отстраняется от него*). Да ты кем себя считаешь, а?

Марчелло смотрит на нее с удивлением.

“Даже не проси”! (*Начинает хохотать.*) Хозяин!.. Ха-ха-ха... ты что, действительно думаешь... что эту квартиру, магазины... он переписал на тебя, потому что ты такой хороший? Ха-ха-ха! Надежный человек! Ха-ха-ха! О Боже мой, у меня живот болит... (*Безудержный смех.*) О Боже, Боже мой!

Марчелло ошеломлен. Иммаколата смотрит на него и начинает смеяться еще сильнее.

Ха-ха-ха... надежный... ха-ха-ха... человек... ха-ха-ха!

МАРЧЕЛЛО. А что здесь смеш...

Иммаколата продолжает смеяться.

ИММАКОЛАТА (*перестает смеяться, резко переходит на серьезный тон*). Выходит, он все переписал на тебя просто за красивые глаза?

МАРЧЕЛЛО. О чем ты...

ИММАКОЛАТА. Ты проснешься когда-нибудь или нет, Конса? Проснись!

МАРЧЕЛЛО. Иммакола, что ты...

ИММАКОЛАТА. Слюни. Ты когда-нибудь чувствовал на своей шее слюни старика? Разве ты можешь это себе представить, Конса? Тебе этого не понять! Ты стоишь и отмеряешь подкладку, а я должна терпеть слюни этой паскуды. Потому что он паскуда и есть! Свинья! Вон тот, который стоит на улице, который затеял с нами эту игру... он — свинья. Почему, по-твоему, он перевел тебя из чернорабочих в продавцы? За красивые глаза? Нет, Марче, нет. Ты ошибаешься, Марче. Каждый шаг вперед, который ты делал, я... я... Ты видел когда-нибудь свиней, как они валяются в грязи? Вот до чего дошла твоя Иммаколата! А хочешь знать, когда он решил переписать на тебя все? Хочешь знать?

МАРЧЕЛЛО. Я не верю...

ИММАКОЛАТА. Это было в подсобке. В среду утром. На следующий день после того, как вы ходили к нотариусу. Ты

был за прилавком. Любезный, как всегда. С улыбкой на лице. Дверь была полуоткрыта. На обрезках шелка. Я видела, как ты отсчитывал метры... а он расстегивал штаны... “Иди сюда”, говорит... ты улыбаешься, а он пускает слюни мне на шею... Видно, ему понравилось... *(Шепчет что-то ему на ухо.)*

МАРЧЕЛЛО *(отшатывается, потрясенный)*. Нет... нет...

ИММАКОЛАТА. Представь себе — да. Вот кто он, этот хозяин. Твой любимый хозяин!

Свет медленно гаснет, освещая искаженное лицо Марчелло.

Сцена шестая

На одной стороне сцены освещается фигура Тито.

ТИТО. Твою мать... Пока еще речь шла о ковре... Да вы сообщаете, что вы говорите? Может, он и последняя сволочь, но он все же человек. А меня сделают сообщником. Как пить дать. Ясно вам? Сообщником... это не шуточки.

Свет постепенно освещает Марчелло и Иммаколату, ожидающих ответа.

И прямым ходом — за решетку. Смеетесь, что ли? Потом пойдешь объясни им, что ты думал, что это просто ковер! И, вообще, сколько может весить ковер?..

МАРЧЕЛЛО. Короче, ты берешься или нет?

ТИТО. Тебе что, моча ударила в голову, Марче?

ИММАКОЛАТА. Сорок тысяч лир.

ТИТО. Сколько?

ИММАКОЛАТА. Сорок тысяч. Берешься или не берешься?

ТИТО. Сорок тысяч...

МАРЧЕЛЛО. Чтобы сжечь ковер.

ТИТО. С загубленной христианской душой внутри.

МАРЧЕЛЛО. Он еврей.

Молчание.

ТИТО. Дайте мне время...

ИММАКОЛАТА. Нет времени. Да или нет?

МАРЧЕЛЛО. Знаешь, сколько желающих мы найдем за сорок тысяч лир?

ТИТО *(нервно ходит по гостиной, потом останавливается)*. Хорошо. Ладно, я согласен. Как мы это сделаем?

МАРЧЕЛЛО. Я заходил к Гуэрино дней десять назад. Ты ведь все время у него сидишь?

Тито кивает утвердительно.

Он поставил телефон. Как только все будет готово, я тебе позвоню. Ты приедешь на фургоне, я помогу тебе погрузиться, поедем в Фочене, канистрочка бензина... и дело сделано.

ТИТО. Сделано, говоришь? Думаешь, это как на танцы сходить? Я отвезу вас в Фочене, тебя и ковер. Потом уже — дело твое! Канистрочка, бензин... я даже близко не подойду.

МАРЧЕЛЛО. Не волнуйся. Ты, главное, помоги мне его вытащить в песчаных холмах, а там уже — моя забота. Потом можешь уезжать.

ТИТО. А как ты вернешься?

МАРЧЕЛЛО. Как-нибудь вернусь.

ТИТО. Не-е... а если тебя остановят и спросят, кто тебя туда привез?.. Не-е... Я покатаюсь и приеду за тобой.

МАРЧЕЛЛО. Хорошо. Пусть будет так.

ТИТО. А если мы встретим кого-нибудь на лестнице?

МАРЧЕЛЛО. Ковер — он и есть ковер.

ТИТО. А если это будет ночью? Гуэрино в восемь—половине девятого закрывается. И потом, что я ему скажу? Как я могу сидеть у него весь день и ждать звонка? Вы, может, через неделю позвоните...

МАРЧЕЛЛО. Какая неделя! Он вот-вот может заявиться...

Все смотрят на дверь.

Скажешь Гуэрино, что плохо себя чувствуешь и не можешь работать.

ТИТО. Если это прокатит. Он что, кретин, что ли?..

МАРЧЕЛЛО. Перевяжи себе руку или ногу...

ИММАКОЛАТА. Знаешь, Ти, ты можешь остаться здесь у нас. Кроватей хватает. Пока не...

ТИТО. Даже не заикайся! Я не хочу здесь быть, когда...

МАРЧЕЛЛО. Если это случится ночью, я позвоню тебе на следующий день утром.

ТИТО. И вы хотите держать всю ночь...

ИММАКОЛАТА. Прежде чем начнет вонять, нужно действовать, конечно!

ТИТО. Черт вас всех задери!

ИММАКОЛАТА. Мы закрутим его как следует, перетянем веревками туго-туго...

ТИТО. Боже ж ты мой!

МАРЧЕЛЛО. Кстати, Иммакола, у нас шпагата больше нет?
Там, за буфетом был...

ИММАКОЛАТА. Точно. Я совсем забыла! Я им перевязывала пакеты с подарками Элены. Нужно пойти купить. И как можно быстрее.

МАРЧЕЛЛО. Я пойду.

ИММАКОЛАТА. Нет-нет, пойду я. И зайду заодно в ломбард. Там его хорошо знали. Вдруг кто-нибудь его видел...

Выходит из гостиной.

ТИТО. Но ты... уверен, Марче? Ты хорошо подумал?

Марчелло смотрит на него. Возвращается Иммаколата в плаще, темных очках, с шалью на голове.

ИММАКОЛАТА. Я скоро вернусь.

Выходит. Длинная пауза.

ТИТО. Ну что, Марче? Смотри...

МАРЧЕЛЛО. Я уверен, Ти.

ТИТО. Что с тобой сделалось, Марче? Я тебя не узнаю... Когда мы были мальчишками и приставляли петарды ящерицам к заднице, ты начинал плакать! Я это помню, как будто это было вчера...

МАРЧЕЛЛО. Он — грязный потаскун.

ТИТО. Кто?

МАРЧЕЛЛО. Хозяин. Свинья. Так просто ему теперь не отделаться...

ТИТО. Почему “свинья”?

МАРЧЕЛЛО. Он надругался над Иммаколатой.

ТИТО. Когда это было?

МАРЧЕЛЛО. Раньше. До того, как...

ТИТО. Ты уверен, Марче?

МАРЧЕЛЛО. Мне Иммаколата рассказала. Поэтому он и переписал на меня свою собственность. Теперь я понял! Я-то думал, что он это сделал, потому что доверял мне... хотя мне это казалось очень странным. Он никому не доверял. Не доверяет никому.

ТИТО. И что он с ней сделал?

МАРЧЕЛЛО. С кем?

ТИТО. Как с кем? С Иммаколатой. Что он мог с ней такого сделать, чтобы она...

МАРЧЕЛЛО (*с гримасой страдания на лице*). Э-э-э-э...

Тито смотрит на него вопросительно.

Э-э-э-э...

ТИТО. Что “э-э-э”?

МАРЧЕЛЛО. Не режь по живому, Ти!

ТИТО. Я? По живому?

МАРЧЕЛЛО. Как только подумаю... такая мразь!

ТИТО. Да что же такого он мог с ней сделать?

МАРЧЕЛЛО. Я что, должен рассказывать тебе подробности?

ТИТО. Ну... просто...

МАРЧЕЛЛО. Что “просто”? (*Длинная пауза.*) Что ты хочешь сказать?

ТИТО. Послушай, Марче, я знаю, что он был гей...

МАРЧЕЛЛО. Ах, гей? Вот он и сделал “наездницей” мою жену!

ТИТО. И он тоже?

МАРЧЕЛЛО. Почему “он тоже”?

ТИТО. Да нет, я хотел сказать, что это очень странно. Он тоже казался таким... таким... ходили разные слухи...

МАРЧЕЛЛО. Значит, притворялся.

ТИТО. Разве не при тебе бедняга Франкино рассказывал, как один раз... он был еще мальчишкой... в кино, в уборной...

МАРЧЕЛЛО. Я верю Иммаколате. Если она говорит, значит, так и было. Во-первых, потому что она — моя жена, а во-вторых, потому что она абсолютно не умеет врать.

ТИТО. Гм...

МАРЧЕЛЛО. Грязная свинья! Он думает, что он со мной считался, когда перевел на меня свою собственность! Я ему еще покажу, он у меня еще попляшет!

ТИТО. Послушай, Марче, подумай хорошенько. Дело серьезное.

МАРЧЕЛЛО. Я уже подумал, еще как подумал. Этот старик не имеет права жить.

ТИТО. Все. Я тебе сказал. Приготовьте мне этот хренов ковер свернутый и перевязанный и дайте мне сорок тысяч лир. В любом случае я это делаю только потому, что этот кровопийца Оресте приставил мне нож к горлу... (*Открывает дверь, чтобы выйти.*) Значит, жду звонка у Гуэрино?

Выходит. Марчелло закрывает входную дверь. Задумывается.

Сцена седьмая

Марчелло продолжает стоять рядом с входной дверью.

ИММАКОЛАТА (*голос за сценой*). Думаешь, ему можно доверять?

МАРЧЕЛЛО. Кому?

ИММАКОЛАТА (*выходит на сцену в халате*). Я про Тито. По-твоему, ему можно доверять? А если он обкакается в последний...

МАРЧЕЛЛО. Нет, нет. Его Оресте заживо сожрет...

ИММАКОЛАТА. Ааа... тогда — ладно.

МАРЧЕЛЛО. Иммакола!

ИММАКОЛАТА. Что?

МАРЧЕЛЛО. Это правда, что шеф был гей?

ИММАКОЛАТА (*пристально глядя на него*). Ты мне веришь или нет?

МАРЧЕЛЛО. Один раз в баре Франкино нам рассказал, как в уборной в Фарнезе...

ИММАКОЛАТА. Ну и дальше?

МАРЧЕЛЛО. Шеф...

ИММАКОЛАТА. Это ты про минет, что ли?

МАРЧЕЛЛО. Да что б тебя, Иммакола... что за слова?!

ИММАКОЛАТА. Весь Рим об этом знает, абсолютно весь. Ты на облаке живешь, Марче?.. И вы еще верите этому придурку Франкино! Вспомни, чем он закончил...

МАРЧЕЛЛО. Ну хорошо. А какой ему был резон рассказывать...

ИММАКОЛАТА. Короче, гей не гей, а я тебе сказала, что он со мной делал... И вообще, знаешь что? Хочешь — верь, хочешь — не верь... дело твое.

МАРЧЕЛЛО. Я тебе верю.

ИММАКОЛАТА. Это что, Тито? Это он тебе надул в уши?..

МАРЧЕЛЛО. Честно говоря, мне это тоже приходило в голову. Самому.

Долгое молчание. Марчелло идет к двери. Смотрит в глазок.

ИММАКОЛАТА. Ты уже подумал, как...

МАРЧЕЛЛО. Только об этом и думаю. Но пока еще не...

ИММАКОЛАТА. Учти, что достаточно одного...

МАРЧЕЛЛО. Ты опять про дубинку, Иммакола?

ИММАКОЛАТА. Послушай, если ты его прикончишь по-божески...

МАРЧЕЛЛО. Это как — по-божески?

ИММАКОЛАТА (*трогает ему затылок*). Вот здесь, сзади. Откинет копыта моментально...

МАРЧЕЛЛО. А если не откинет?

ИММАКОЛАТА. Но упасть-то упадет точно.

МАРЧЕЛЛО. Эээ... А потом?

ИММАКОЛАТА. А потом... (*Берет подушку*.) Вот этим. По крайней мере...

МАРЧЕЛЛО. Ну да, а если он начнет брыкаться? Тогда я действительно наложу в штаны... Это не годится, Иммакола! Здесь надо что-то такое, чтобы... он не реагировал.

ИММАКОЛАТА. Ну, тогда скажи прямо, что ты не хочешь, и дело с концом! Пистолет тебе не подходит, потому что ты боишься стрелять, нож – тоже, потому что кровь...

МАРЧЕЛЛО. Послушай, я – Марчелло! Марчелло я! Ты, может, думаешь, что я – Джек Потрошитель?

ИММАКОЛАТА (*глядя в глазок*). Главное, чтобы ты решился. Он в любой момент может прийти. И что мы будем делать? Я ему скажу: “Подождите минутку, Марчелло еще не решил”...

МАРЧЕЛЛО (*с победоносным видом*). Как же я раньше-то не догадался! Все, я решил. Мы его сбросим вниз.

ИММАКОЛАТА. Вниз?

МАРЧЕЛЛО. Иммакола, это же идеальное решение! Ты только подумай. Перила на балконе как раз невысокие... Только слегка подтолкнуть...

ИММАКОЛАТА. Ну конечно! А потом закатаем его в ковер прямо на тротуаре. Ты что, забыл, где мы живем? Тут на набережной толпы народу... что у тебя с мозгами?!

МАРЧЕЛЛО. Да какой ковер! Ты ничего не поняла. Ковер больше не нужен, понятно?

Иммаколата вопросительно смотрит на мужа. Он импровизирует.

“Бригадир, это произошло внезапно. Мы разговаривали. Он рассказывал нам про концлагерь. Вдруг он резко встает, идет к окну и открывает его. Мы с женой даже переглянулись. Не успели мы опомниться, как он взял да и кинулся вниз. Еще когда он вошел... у него был блуждающий взгляд... как у сумасшедших.

Иммаколата поражена этим новым предложением. Длинная пауза.

Он снова увидел свой дом... свои вещи... здесь все стоит так же, как тринадцать лет назад, потому что мы с женой все оставили как было... может, он вспомнил о всех своих страданиях, о лагерях смерти, о газовых камерах, о тех, кто погиб, не выдержал, и...”

Пауза.

ИММАКОЛАТА. Нет, Марче, они на это не поведутся. Это слишком опасно... Раньше ты верно говорил: его никто не узнал. Он должен исчезнуть. Ты правильно сказал: га-

зовые печи. Пепел. Кучка пепла. И потом, Тито ведь все уже знает...

Долгое молчание.

МАРЧЕЛЛО. А яд, Иммакола?

ИММАКОЛАТА. Яд?

МАРЧЕЛЛО. Ну да. Мы ему откроем, впустим его. Ты приготовишь ему кофе... чай... он начнет говорить, рассказывать... выпьет и даже не заметит. Все чисто и пристойно...

ИММАКОЛАТА. Да, конечно! Бедная сестра Аделина три дня мучилась, не могла умереть, когда грибами отравилась... вот мы и будем три дня смотреть, как у этой свиньи кишки выворачивает? И он будет блевать нам на ковер?

МАРЧЕЛЛО. Если взять крысиный яд, то полчаса, максимум час, и он — готов.

ИММАКОЛАТА. Как бы не так! Эта лиса, как только поднесет чашку к губам, сразу услышит запах... он и тебе чашку поменяет — ты даже не заметишь...

МАРЧЕЛЛО (*нервничает*). Думаешь?

ИММАКОЛАТА. Ты можешь положить хоть тонну сахара, унюхает все равно!

МАРЧЕЛЛО (*приближается к двери*). Дай мне подумать, Иммакола! Дай мне подумать.

ИММАКОЛАТА (*уходя со сцены*). Поторопись.

Свет гаснет.

Сцена восьмая

Свет просачивается сквозь ставни, мы видим Иммаколату и Марчелло, сидящих на диване. Марчелло сжимает в руках скалку. Взгляд устремлен в одну точку. Оба умирают от желания спать.

МАРЧЕЛЛО. Иммакола, у меня закрываются глаза.

ИММАКОЛАТА. Нужно дотерпеть. Любой ценой.

МАРЧЕЛЛО. А если он больше не придет?

ИММАКОЛАТА. Придет, придет. Не беспокойся, он придет.

Марчелло медленно откидывается на спинку дивана.

Не растягивайся, а то заснешь. Приведи себя в порядок.

МАРЧЕЛЛО. У меня все затекло...

ИММАКОЛАТА (*встает*). Пойду сделаю кофе.

МАРЧЕЛЛО. На меня уже даже кофе не действует.

ИММАКОЛАТА (*выходя*). Пойди сполосни лицо.

МАРЧЕЛЛО (*вставая*). Лучше мне встать.

Начинает ходить по гостиной. Звонит телефон. Марчелло застывает на месте, глядя на телефон, и инстинктивно поднимает скалку для удара. В дверях появляется Иммаколата с кофеваркой в руках. Телефон продолжает звонить.

ИММАКОЛАТА. Что ты делаешь? Опусть скалку! Ты можешь ответить или нет?

МАРЧЕЛЛО (*отвечает*). Алло? (*Сразу же, обращаясь к Иммаколате.*) Это Тито. (*Потом в телефон.*) Да нет... Ничего. Ты забинтовал себе руку? (*Пауза.*) Еще лучше! (*Иммаколате.*) Он говорит, что перевязал голову...

Иммаколата делает жест, выражающий недовольство.

Но ты закажи что-нибудь, ты же знаешь Гуэрино... (*Иммаколате.*) Он говорит... если будет заказывать, то может потом опьянеть... Ну, возьми газировку, поиграй в карты... (*Пауза. Обращаясь к Иммаколате.*) Он говорит, что проиграл уже триста лир. Послушай, Тито, что я тебе могу сказать... поболтай там с кем-нибудь. Я позвоню тебе, да... я понимаю... да, Ти, да. Пока. (*Кладет трубку.*)

ИММАКОЛАТА. Взял и перевязал голову! Ну ты подумай только...

МАРЧЕЛЛО. Но так же лучше, разве нет? Сразу понятно, почему он не на работе. Правда, он говорит, что Гуэрино смотрит на него как-то странно, типа “не рассказывай сказки”.

ИММАКОЛАТА. Вам бы обоим в варьете работать! Прекрасная вышла бы парочка! (*Выходит.*)

МАРЧЕЛЛО (*глядя на скалку*). Иммакола, что-то эта скалка не вызывает у меня доверия.

ИММАКОЛАТА (*голос за сценой*). Она тяжелая, не сомневайся!

МАРЧЕЛЛО. Да я не про то... до сих пор ты ею тесто раскатывала...

Иммаколата появляется в дверях и смотрит на него. Потом снова выходит.

А если я прилягу минут на пять? Только на минутку прикрою глаза. А? Иммакола?

ИММАКОЛАТА (*голос за сценой*). Делай как хочешь.

МАРЧЕЛЛО. Пять минут, не больше. У меня все болит...

Выходит. В гостиной гаснет свет.

Сцена девятая

Полутьма и тишина.

ИММАКОЛАТА (*тихий голос за сценой*). Ты слышал?

МАРЧЕЛЛО (*голос за сценой*). Да.

МАРЧЕЛЛО выходит на сцену, сжимая в руках скалку с длинной ручкой. Он дрожит. Он в нерешительности. ИММАКОЛАТА идет за ним. Весь диалог ведется вполголоса.

ИММАКОЛАТА. Ты можешь перестать дрожать?

МАРЧЕЛЛО. Ты думаешь, я нарочно, что ли?

ИММАКОЛАТА. Дыши, Марче, дыши глубже.

МАРЧЕЛЛО. Надеюсь, что получится.

ИММАКОЛАТА. Со всей силы, Марче! Подумай о том, что он со мной сделал, Марче, и увидишь, что руки перестанут дрожать.

МАРЧЕЛЛО. Я думаю... Но они не перестают, Иммакола.

ИММАКОЛАТА. “Тебе нравится? Тебе нравится, Иммакола? Шевели задницей, шевели своей задницей... вот так, вот так... посмотри на этого рогоносца, как он улыбается...”

МАРЧЕЛЛО (*продолжает дрожать*). Даже так?..

ИММАКОЛАТА. А сам смеется и пускает мне слюни на шею. Шевели задницей... вот так он говорил... а потом я тебе еще...

МАРЧЕЛЛО (*дрожит; плачущим голосом*). Хватит уже... хватит...

ИММАКОЛАТА. И сжимал мне груди так, что я готова была орать от боли... а ты там продолжал улыбаться.

МАРЧЕЛЛО (*плачет*). Этот подонок...

ИММАКОЛАТА. Правильно, молодец! Именно подонок. Не жалеть, Марче, не жалеть.

МАРЧЕЛЛО (*плачет*). Не жалеть...

ИММАКОЛАТА (*подходит к двери*). Тсс... (*Смотрит в глазок.*)
Никого нет.

МАРЧЕЛЛО (*с облегчением*). Как никого нет? А кто же звонил?
(*Тот же смотрит в глазок.*) Может, он спрятался?

Иммаколата рывком открывает входную дверь. Марчелло в страхе поднимает скалку. Закрывает глаза и продолжает безудержно дрожать. Иммаколата выходит на лестничную площадку. И сразу возвращается. Видит Марчелло с закрытыми глазами.

ИММАКОЛАТА. Никого нет, Марче. Открой уже глаза.

Марчелло повинуется. Он в состоянии ужаса.

Иди умойся.

МАРЧЕЛЛО (*продолжая дрожать*). Хорошо, Иммакола.

ИММАКОЛАТА (*хватая его за плечи*). Соберись! Возьми себя в руки!

МАРЧЕЛЛО. Легко сказать!

ИММАКОЛАТА. Иди умой лицо, а то ты похож на полного психа!

Свет ненадолго гаснет.

Сцена десятая

Цепь мгновенных вспышек, немых картин.

Картина первая

МАРЧЕЛЛО упражняется со скалкой рядом с входной дверью. ИММАКОЛАТА наблюдает за ним издалека.

Картина вторая

ИММАКОЛАТА показывает МАРЧЕЛЛО, как нужно наносить удар.

Картина третья

ИММАКОЛАТА лежит на диване. МАРЧЕЛЛО укрывает ее пледом.

Картина четвертая

ИММАКОЛАТА и МАРЧЕЛЛО стоят спиной к залу и смотрят на улицу в отверстие в ставнях.

Сцена одиннадцатая

В гостиной темно. Никого нет. Едва слышится музыка, которая сопровождала предыдущие картины. Звонят в дверь. Из двух дверей, которые ведут из гостиной в другие комнаты, появляются ИММАКОЛАТА и МАРЧЕЛЛО. Они кажутся спокойными. У Марчелло в руках скалка. Они решительно подходят к входной двери. Иммаколата смотрит в глазок. Подает знак Марчелло, который застывает за дверью с поднятой скалкой. Иммаколата

открывает входную дверь. Из темноты появляется мужская фигура в контровом свете. Темно. В темноте слышится записанный голос Марчелло, который говорит по телефону.

МАРЧЕЛЛО (*голос за сценой*). Гуэрино? Тито у тебя?

[95]

ИЛ 12/2018

Сцена двенадцатая

Когда свет загорается вновь, Иммаколата стоит у окна, а Марчелло сидит на диване. Рядом с диваном лежит свернутый и перевязанный ковер. По телевизору передают “Остановись или удвой”. Слышен голос Майка Бонджорно, который задает вопросы.

ИММАКОЛАТА. Вот он! Пришел.

Марчелло с отсутствующим видом пытается отвечать на вопросы Майка Бонджорно.

Давай же, шевелись!

Идет к входной двери и приоткрывает ее. Через некоторое время открывает ее полностью, чтобы впустить запыхавшегося Тито. Все молчат. Иммаколата кивком головы показывает Тито на свернутый ковер. Тито подходит к коврику. Он в страшном напряжении. Смотрит на Марчелло, но тот не реагирует.

ТИТО. Ну, вставай уже, нечего время терять.

Марчелло неправильно отвечает на очередной вопрос.

ИММАКОЛАТА. Эй, Марче!

МАРЧЕЛЛО. Что?

ТИТО. Давай скорее! (*Наклоняется, чтобы приподнять край ковра.*)

МАРЧЕЛЛО (*который, похоже, пришел в себя*). Да. (*Делает то же, что и Тито.*) Черт побери, сколько же он весит! (*Опускает ковер на пол.*)

ТИТО. Давай на три... Раз, два... (*Замечает рядом с диваном ботинок. Опускает ковер.*) А это что?

ИММАКОЛАТА. Слетел, наверное, когда... Унесите его и сожгите вместе с...

ТИТО (*поднимает ботинок; видно, что он дырявый*). Да ведь это...

МАРЧЕЛЛО. Ботинок хозяина.

Тито начинает в бешенстве развязывать ковер. Иммаколата и Марчелло пытаются его остановить.

ИММАКОЛАТА. Что ты де...

МАРЧЕЛЛО. Тито, ты что...

ТИТО. Отойдите! Отойдите! *(Развязывает полностью веревку. Потом ударом ноги разворачивает ковер, который развертывается за диваном. Тито потрясен. Не верит своим глазам. Пристально смотрит на человека, который не виден за ковром, потом с ужасом смотрит на Иммаколату и Марчелло.)*
Вы что... Что вы сделали?

МАРЧЕЛЛО *(улыбаясь)*. Я треснул его скалкой!

ТИТО. Ты что, не видишь, что ты наделал? Умберто! Ты убил Умберто! Вы убили Умберто! О Боже, Боже!

Тито убегает, громко хлопнув дверью. Марчелло и Иммаколата смотрят на человека за диваном. Потом смотрят друг на друга. Звонят в дверь. Иммаколата идет к глазку. Смотрит. Подает знак Марчелло, который берет скалку и становится за дверью, в то время как Иммаколата гасит свет. Потом она бежит к входной двери и, обменявшись с Марчелло понимающими жестами, открывает ее. На пороге просматриваются очертания женской фигуры. Слышится голос в записи.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Мам, пап... что же вы не приехали на вокзал-то?

ИММАКОЛАТА. Убей его! Убей его, гадину!

МАРЧЕЛЛО *(поднимая скалку)*. Да, Иммаколата, да. *(Смеется.)*

Свет гаснет.

Занавес.